

A black and white illustration of a man in a dark sweater looking out a window with a terrified expression, his hands clasped over his chest. Outside the window, a large, grotesque, multi-eyed creature with a wide, toothy mouth is visible. The background shows a dark, patterned curtain.

АЛЕКСЕЙ АБРАМОВ

**ГОСУДАРСТВО,
ИЛИ ДНЕВНИК
ПРОИГРАВШЕГО**

Алексей Абрамов

**Государство, или
Дневник проигравшего**

«Издательские решения»

Абрамов А. А.

Государство, или Дневник проигравшего / А. А. Абрамов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744964-3

А еще он очень хотел увидеть звездное небо. Хотя бы кусочек.
Звезды! В подземелье подделали все. Солнце, ветер, дождь, снег,
а вот звезды не смогли или не захотели. Ведь у них нет никакой
функциональной нагрузки. Они бесполезные. В мертвом космосе
разноцветно блестят трупы взорвавшихся планет и далеких солнц.
Здесь таким не место.

ISBN 978-5-44-744964-3

© Абрамов А. А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Глава I. Кладбище летающих поездов	7
2	7
3	9
4	11
5	14
6	16
7	19
8	23
9	26
10	29
11	32
12	36
13	40
14	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Государство, или Дневник проигравшего

Алексей Алексеевич Абрамов

Иллюстратор Александр Николаевич Куликов

© Алексей Алексеевич Абрамов, 2017

© Александр Николаевич Куликов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-4964-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Двое двигались по коридору. Проход настолько узок, что они, если бы шли рядом терлись плечами друг о друга. Поэтому сопровождающий идет позади, немного сбоку. Не сложно догадаться – проход построили в доимператорские, царские, грозные времена. Желто-бледных жидких красок с разводами внесли большевики. Красные, тогда так представляли оформление переходов государственных учреждений. Стены на уровне плеч обшиты толстой лакированной ДСП.

За прессованными плитами угадываются толстые стены оборонительного сооружения, лихого века. Тогда сюда не доносились звуки битвы. Сейчас вообще какие – либо другие звуки. Ватная тишина. Там где коридор изгибается, в толстом слое застарелого прозрачного лака отразился невысокий, лысоватый человек лет пятидесяти.

На него никогда не работал профессиональный портной с сантиметром на шее, что делают красные размытые полосы.

За высокой крепостной стеной это норма. Человек идет вперед правым плечом. Может быть, из-за этого тоже костюм на нем не смотрелся, выглядел несколько больше, да и сам человечек – невзрачен и безлик. Как бесцветная моль. Ее не всегда увидишь в шифоньере. Из-под полы пиджака виднеется синяя полоска свободной рубахи.

Пара дошла до узкой, вытянутой к потолку двери. Провожатый ткнул ее, и полотно бесшумно отворилось. В рабочем кабинете стоит огромный невысокий, придавленный к полу, как такса стол с матово-коричневой столешницей. На ней аккуратно лежат стопки папок в качественных обложках. Ровно по центру одиноко возвышается чернильный прибор из малахита, инкрустированный серебряной пайкой.

Драгоценная проволока сложилась в миниатюру. На рисунке писарь в парике с локонами что-то пишет роскошным гусиным пером. В комнату проник луч солнца, и на пере заиграла зелень уральских изумрудов. На стенах в обоях соломенного цвета с мелким рисунком висят под наклоном несколько картин в золоченых рамках, а с книжных полок выглядывают толстые фолианты с не стершимися крепкими уголками. Под одной из полок прячется бар, несомненно, с очень дорогими алкогольными напитками. Вот и вся обстановка. В помещении находился один человек. Мужчина стоит за столом, лицом к арочному окну, и глядит сквозь хрустальное стекло. По краям оно, обрамленное старой деревянной рамой, искажает вид за окном. Спутник обошел маленького человечка, раздвинул веки и, направил в зрачок тонкий луч медицинского прибора. Наклонился, внимательно всмотрелся в пустоту глаз.

Радужная оболочка неопределенного цвета. Он пощупал пульс, и что-то прошептал себе под нос. Удовлетворенно кивнул головой. Очень медленно, нехотя огромный хозяин кабинета обернулся и посмотрел на пару. В этот момент очкарик, растягивая слова, сказал седовласому старику, – Башковитый получился, – этим и ограничился. Зашел за спину карлика, и одним острым тычком жилистой руки вытолкнул маленького человечка вперед, в центр кабинета.

Голос сзади, обратился к грузному человеку. Произнес, – Вот. Готов!

Глава I. Кладбище летающих поездов

2

На старой изрезанной клеенке, чьи шрамы от ежедневных протираний жирной, дурно пахнущей кухонной тряпкой вывернулись наружу – отпечатался и вспух круг.

Молодой человек, что находился в это время в столовой, перечеркнул круг указательным пальцем. Попытался разгладить. Круг горячий и влажный от испарины. Мужчина сделал маленький плоток густого, очень сладкого, как сироп чая и посмотрел на выпуклый экран старенького черно-белого телевизора.

Под крупичами пыли, она густо покрывает экран, виден – абсолютно седой, с ровно уложенной прической, большеликий, располневший от нездоровой старости человек в строгом костюме. Он, отдыхает после каждого слова. С большими паузами, словно, совершая то, чего не хочется, костюм выдавил из нутра, – Дорогие россияне! С Новым годом!

Молодой человек усмехнулся и подумал, – Я устал. При этом ухажу. Тихо добавил, – С Новым годом!

Звали его Павел. Сейчас от Павла требовалось поторопиться, и вовремя быть на работе, в промасленном, пропахшем электропоездами депо и до утра развозить нетрезвых жителей из одного округа большого города в другой.

Павел повернул рычаг. Поезд быстро набрал скорость. Через секунду затрещала рация. Он на время забыл – на этом отрезке его ветка пересекается с другой и, не желая слышать лишенный эмоций голос диспетчера – стал тормозить.

В динамике прохрипело, – Пропустите состав. Раздался заунывный, тоскливый технический писк.

В темноте пролетел синий поезд. Восемь вагонов слились в один большой светлый луч. Линия прогрохотала и исчезла в темноте.

– Осторожно двери закрываются, следующая станция «Таганская». За перегородкой звучит голос. А потом, – «Китай – город», – подумал Павел. За день он проезжал их раз по сто, и всегда, когда влетал в желтый свет станционного зала, испытывал одно и то же неприятное чувство.

Черная однородная масса с редкими вкраплениями ярких пятен, размытая скоростью, стояла так близко к краю платформы, что каждый второй казался потенциальным самоубийцей готовым нырнуть под блестящие железные колеса.

Затрещала рация, невнятно и непонятно, а от этого еще и противно.

Сколько бы ни вкладывали в подземную связь, звучала она так, что приходилось закрывать глаза, сосредотачиваться, вслушиваться. Угадать, что хотят на другом конце провода помогало только чутье. Абсолютно не знакомый, грубый с хрипотцой голос дал команду. Металл в голосе стер границу между командой и приказом.

– Стоять! – сказал голос. Это не свойственно диспетчерам метро, отметил Павел. Голос смягчился, подобрел, поразмыслил и добавил, – Стоянка три минуты. Смолк.

Дернул рычаг тормоза. В левое ухо кто-то, не стесняясь, выругался по матери. Вагон под завязку, и пассажир, его плотно прижали к двери в кабину машиниста, выдохнул в щель ругательство.

Павел, мысленно и вслух, как и каждый раз зашевелил губами, – У-ва-жа-емые пассажиры. Заученное извинение. Точно такое, же, что с пяти утра и до часу ночи твердили голоса в вагонах. Сначала мужской, потом женский. И наоборот. Одно и то же.

Зевнул. Без интереса осмотрелся. Кривой участок. Железнодорожное полотно, резко загибалось и уходило вправо. Поезд стоял заметно накренившись. Прежде Павел здесь не останавливался, тем более по команде оператора.

Рядом нарастает шум. Похоже, через стену железной обшивки тоннеля и толщу грунта проложена параллельная ветка, возможно техническая, хотя, тут Павел покопался в памяти, о ней он никогда не слышал. Скоро справа, а может слева пронесется состав.

Ход невидимого поезда усиливался, а его состав охватила мелкая дрожь. Звук непривычный, фыркающий, казалось еще мгновение и раздастся гудок. Такой, как показывают в старых бесцветных фильмах, расчерченных царапинами от многократного показа на кинопроекторах, где поезд прибывает на одинокую станцию, с колоколом. Станция, по правилам жанра затеряна в сибирской тайге или на Диком Западе.

Шум слышен вполне отчетливо. Электропоезда все нет. На секунду показалось – в тоннеле стало светлее. Фары своего поезда Павел приглушил. Зрачки фонарей отражались в зеркалах прожекторов и едва рассеивали темноту, а яркость света нарастала.

От следующего, – А вдруг? – Павел съезжился. Чернота раздвигалась там, далеко, впереди. Навстречу ему и сотне беззаботных пассажиров за спиной кто-то двигался. Кожа на спине сократилась. Заставила вытянуться как струна, и внимательно всмотреться в пустоту раздвигающейся тьмы.

Выругался, – Твою ж то мать. Так он непроизвольно, стремился крепким словом подкрепить душевное равновесие, а больше потому, что хотел походить на старших коллег. Старожилы метро говорили так в любой ситуации. Даже, когда им в столовой наваливали в плоскую тарелку серых макарон и кусок гарнира.

– Твою ж то мать, – восхищенно восклицали мужики.

В тоннеле без сомнений светлело.

В районе затылка самопроизвольно включился и защелкал старый пленочный кинопроектор младшего из братьев Люмьер. Аппарат на бешеной скорости воспроизводит кадры из его короткой жизни.

Хаотично, в неправильно порядке мозг показывает самые светлые моменты жизненного пути. Детство, мама, море. Обычно так бывает перед смертью. На миг в черепной коробке прорезалась врожденная самоирония, – Свет в конце тоннеля он все-таки увидел. Усмехнулся. Следующая мысль, – Спасти пассажиров. Но она провалилась в позвоночник так стремительно, словно и не возникала.

В тридцати метрах покатым бок тоннеля прорезал четкий светлый луч. Павел оцепенел. На смену страху пришло сомнение, удивление и замешательство. На секунду проступили ребра железных бело-зеленых от времени плит. Тут же возникло, – Что это не так. Железные вкладыши зеленели на глазах, пропорционально стуку колес. Он усиливался, рос. С предельной для электропоездов скоростью ветку пересекал черный матовый пузатый паровоз. Такие в наши дни обычно стоят на приколе, на постаментах – памятники. Из окон вагонов паровоза лился успокаивающий зеленый свет, а из короткой трубы на паровом котле клубами валил дым.

Павел плотно, до боли сжал веки, а когда открыл глаза, взгляд вновь уперся в пустоту. Свет прожекторов едва выхватывал из небытия несколько блестящих то ли от сырости, то ли от машинного масла – черных жирных шпал. Сквозняк принес запах угольной с нотками древесной гари. Табло высвечивает желтые кубики времени. Состав медленно тронулся и машинист впервые увидел, то, что раньше никогда не замечал. Этот неосвещенный перегон поезд проскакивал быстро. В стенах тоннеля по диагонали стоят огромные, вогнутые по форме тоннеля, едва различимые, аккуратно подогнанные створки. Ворота закрылись так бесшумно, что он не почувствовал одновременной работы мощных механизмов.

3

Это был четверг. А по четвергам планерка. Графики машинистов электропоездов настолько разные, что увидятся всем. Хотя нет, не всем, а большей части коллектива удастся только здесь, в течение получаса. Шеф от природы малоразговорчив и этому, честно говоря, все рады. Встреча с начальством не затягивается, а ограничивается коротким докладом с перечислением планов, редкими новостями и еще более редкими вопросами и размышлениями.

Люди работают в основном взрослые и понимают. Обсуждать тут нечего и работать надо в тех условиях, что есть. За каждым из старожилов депо в небольшом зале с трибуной и столом для президиума – он, кажется, не изменился с момента прокладки первой Сокольниковской линии – закрепилось место. Тоже не новый, обтянутый черной клеенкой, обивка кое-где слезла, обнажив матерчатую основу – стул с шаткой спинкой.

За годы работы утреннее совещание превратилось в церемонию. Сюда приходят определенными группами и садятся в определенном порядке. Рядом с Павлом всегда сидит Алексей. Моложе его на несколько лет, улыбчивый и щербатый паренек.

Они не друзья, но это добротное, крепкое знакомство основанное, наверное, на правильной оценке тех качеств, какими они наделены. А каждый в целом порядочный человек.

– Здорова, – с улыбкой сказал Алексей.

– Здорова, – ответил Павел. По привычке взмахнул правой рукой. Шефа, как и всех, кто брал слово, слушали плохо. До осмысления не доходила и сотая часть вброшенной информации. В действительность человека возвращало только непосредственное обращение к нему.

Беседу соседей по ряду прервал Ник-Ник. Так сокращенно и «за глаза» называли начальника, Николая Николаевича. Ник-ник сказал Павлу, что его поезд, хотя он еще и справно бежит пора показать мастерам. Дать профилактический ремонт. Заняться этим надо на днях. – А то, что надо сделать на днях забывается сразу, – беззаботно подумал Павел.

Темень. Из рта валит пар. Утро у машинистов не то, что ранее. Оно сверххранное. На работу привозят ночью. От того, что зима, складывается ощущение, что глубокой ночью. К огромному ангару, где спят поезда, надо идти через надземный переход.

Павлу нравится этот момент. В темноте. Ее четко разрезают уличные фонари, он видит распахнутые ворота. Из них падает свет промышленных ламп. Он окаймляет выпуклые лица электропоездов, словно нимб у святого мученика.

Все они, а их больше двух десятков, стоят ровно, как бойцы перед штурмом или зубы в молодом рту. Вот поезд Сереги Чернышева, вон Юрки Денкова, вон мой....

Когда кто – то уезжал строй нарушался. Прежняя красота и стройность исчезали. Поднялся на верхнюю площадку перехода. Оглянул ангар и очнулся. Для столь раннего часа строй уже нарушен.

Сегодня Алексея не было. Конечно, люди пропадали и раньше, так же неожиданно, но он знал коллег поверхностно и внимания не обращал. В такие моменты шеф хмурился, изображал обиду и цедил сквозь зубы – рабочий уволился.

Звучало это нелепо и смешно. Потому что, никто никогда не спрашивал – куда? Отсюда уходили только на пенсию или в могилу. В эти минуты Павел обычно думал об одном и том же. Для него смена работы обязательно связана с переездом в другой город, город – миллионник и улыбался.

Другого метрополитена кроме Московского им. Владимира Ленина в столице не было. Можно поменять ветку на ветку, но не более. Иногда так и происходило, когда кто – то менял место жительства. Все остальные варианты – вели на «дно» рынка труда – в охранники или еще хуже в вахтеры.

В общем пропал Леха. Пропал из виду. Потом из памяти. Стул рядом пустует. Павел хотел, чтобы так оставалось как можно дольше. Он не хотел заново проходить стадию знакомства и обмен общей информацией.

Бессмысленный, но крайне живучий треп всегда теплится в любом коллективе. О зарплате. Вознаграждение вроде обещали поднять. Часто об этом говорило несколько человек, но никто ни разу не смог назвать первоисточник этой новости. Слухи курсировали, затихали и так до очередного всплеска. До тех пор пока кто-то не услышал, как всегда краем уха что-то новое. И так до бесконечности.

Одно и то же в словах, в действиях, в окружении. Размышления прервал шеф. Босс обыденно напомнил о поручении сгонять в ремонтное депо. Поставить состав на профремонт. Там же получить резервный состав и поработать пару недель на нем. До окончания ремонта. Сделать это предстояло в следующую смену. Тут он по-настоящему обрадовался.

4

Межсменный перерыв пришелся на Старый Новый год, и такой график позволял полноценно его отметить. Без обильных застолий и тем более без песен. Наступление праздника ни к чему не обязывало. Не надо было тратить время на магазины, выбирать и гадать понравится подарок или нет и вообще ломать голову над тем, что подарить. В семье это было просто не принято и воспринималось нормально. Обычный день. Только праздник.

Приплюснутая, чуть больше метра кабина старого электропоезда. Не развернешься. Края окон от времени закопчены, а может просто стекло со временем утратило прозрачность. Серость во всем. На поцарапанной приборной панели. На лоснящихся от прикосновений десятков машинистов рукоятках рычагов.

Как и любая другая специальность, профессия машиниста метро оказалась не такой загадочной и романтической, как рисовало воображение на курсах. Метро оказалось скучным, однообразным и походило на конвейер.

Погнал поезд к ремонтникам. Поездка без остановок. Поэтому вдвойне осторожнее. На каждой станции приглушенно доносится, – Поезд проследует без остановки! – Подстраховывают, – мельком думает Павел. С того случая, когда он увидел старый, даже старинный паровоз Павел железно убедил себя – это был не сон. Да и как в этом разувериться? Поезд ежедневно проезжал те самые ворота. Порой он не успевал разглядеть щель между плитами, и тогда казалось, что там, действительно, ничего нет.

Но едва заметные, вдавленные в основание путепровода рельсы, пересекали его путь, тонкой полоской блестели в темноте и он уже опытный машинист – мог определить. Движение по ним происходит! Не такое интенсивное, как по рельсам метро, но эти рельсы точно не забыли и кто-то по ним курсировал.

– Значит не сон, – сделал вывод Павел.

Герметичность тоннеля не нарушалась. Больше он не видел странных поездов. Распахнутых ворот. О своей находке, как человек практичный Павел умолчал. А следовал мимо, нет-нет, да и подумывал о том, чтобы разгадать тайну.

– Хотя какая это может быть тайна? – Павел озадачил себя вопросом и в специфическом запахе метро, в запахе железа, резины и промасленных шпал вычленил, остро почувствовал знакомый запах древесной гари.

Паровоз проехал только что. Стены тоннеля по обеим сторонам медленно и плавно сдвигались. В будущем Павел десятки раз возвращался к тому, чтобы осознать, зачем же он это сделал? Сейчас же рука самопроизвольно повернула рычаг и восемь синих вагонов прошмыгнули направо в сужавшуюся щель.

– Три – пять – десять секунд, – считал Павел. Услышал скрежет разодранного металла. Последнему вагону хорошо досталось. Возможно, створки ворот содрали только зеркала, но скорее всего повреждения более существенны. Значит, ремонтная бригада точно не отделается формальным осмотром состава.

– Обшивка, покраска, новые стекла, и возможно двери, – Павел в уме перечислил вероятный ущерб. Неизвестно, что там еще с кабиной машиниста.

– Так профилактический ремонт плавно перетек в ремонт капитальный. Юмор – полезная штука, – безрадостно подумал Павел. На приличной скорости проскочил преграду и оказался на незнакомой территории.

Здесь как незваный гость в чужом доме снизил скорость до минимума. Тоннелей Павел видел много и все они мало чем отличались один от второго. По едва заметным вещам, вроде нескольких слоев краски или обилия ржавчины можно было определить, что один постарше

другого лет на тридцать и только. Типовые традиции метростроения, что заложили в начале пятидесятих годов, господствовали под землей до сих пор.

– Но не здесь! – отметил он.

Поезд движется по прямоугольному коридору. Вместо железных болванок, скрепленных между собой и сдерживающих давление породы, по бокам проплывали квадратные колонны. И пока не понятно, это полноценные столбы-опоры или они выделялись из стен. Резкие углы колонн сильно выдавались вперед.

Всмотрелся. Увидел, что это действительно колонны. Толстые и высокие. Неопределенного цвета с белыми разводами. Они вплотную стоят к стене. Павел изогнул шею и посмотрел вверх за резиновый обод лобового стекла.

На светлом потолке одинаково черная широкая полоса. Конец прячется в темноте.

– Копоть от дыма паровоза, – догадался Павел. Полоса, кажется, даже чуточку выделяется на ровном своде. В отдельных местах на паутине образовалась черная бахрома из копоти. Маслянистая борода колыхается, как нити водорослей в проточном, но тихом водоеме, то ли от сквозняка, а может это движение поезда. Освещения в тоннеле нет. Взглянул на встроенные в приборную панель часы.

Поглощенный тем, что увидел и последующим анализом он пропустил, не заметил, что состав ползет уже минут десять. Медленно. Прошло еще десять минут.

Поезд постукивает на стыках рельс, а он боится пошевелить рукой, двинуться, даже по кабине. Павел опасается, что сейчас его обнаружат, и некто, не ведомый и безжалостный, найдет и накажет нарушителя. За то, что вторгся в чьи – то владения.

Состав едва движется, а люди в форме и с оружием, твердо стоящие прямо на пути, и обязательно в кожаной одежде, как рисовало воображение, не появлялись. И только миниатюрные камеры, установленные в укромных местах, так что и не заметишь, куда-то передают изображение.

Поезд плетется. Колоннада уходит вперед, сливается в одну линию и пропадает. Волна страха окатывает машиниста раз за разом, когда он проезжает следующую пару колонн. Они стоят ровно напротив. Близнецы. Павел вертит головой так, как делают пешеходы, перед тем, как решаются преодолеть многополосную автостраду. Хотят остаться в живых.

Тут не проносятся машины, но там за каждой из этих колонн может кто-то стоять и ждать. Выжидать, чтобы напасть и обезвредить. Но колонны мелькают, а за ними пусто, пусто и опять пусто. Темень отступает, порождает тень, она прячется за колоннами, на секунду обнажается темный пустой, иногда с заметной трещиной угол и снова захлопывается. Так долго и беспрерывно в метро Павел не ездил. Там, он подумал о реальности, что осталась за воротами, как о другом параллельном мире через каждые три минуты – станция. Здесь тоннель не заканчивается.

Павел прикинул, что поезд уже проехал десятка два километров, а может и больше. Немного осмелел, выровнял дыхание и прибавил скорость, затем еще и еще раз, стремясь уехать отсюда, узнать, что там за поворотом, хотя поворотов, здесь не было. Даже намеков на изгиб.

Состав летит по идеально прямой линии. Колонны превратились в сплошную стену. Он решил, что так быстрее покончит с неизвестностью, доберется до пункта назначения. А там будь что будет! – тоскливо подумал Павел.

Ну, встретит кого-нибудь из людей. – Да, так и будет! – откуда-то выползла слабенькая решимость. И тут же стал придумывать, как оправдать покореженный вагон и что он здесь делает, когда должен быть в депо.

Объяснить ошибкой, несообразительностью, чрезмерным любопытством. – Да чем угодно, – мелькнула мысль, – Лишь бы это быстрее прошло, стало забываться, стерлось из памяти.

Порой он уже жалел, что влез туда, куда не следовало, но путь назад отрезан. Не пробивать же ворота на скорости, да и невозможно это. Только изувечить себя и поезд.

В следующую минуту показалось, что впереди мелькнул светлый квадрат с неровными краями. Хотя может глаза, напряженные до предела обманывают. Через секунду Павел сильно дернул рычаг тормоза, как сжатая пружина подпрыгнул с жесткого кресла, не послушными руками открыл дверь, чтобы убежать в вагон.

5

Мозг, как камера с заевшим лентопротягом с замедлением выдавал последнее, что он мельком зацепил краем глаза, так как давно перестал обращать внимание на то, что происходит сверху. Черная полоса на потолке исчезла. А он не знал, где и когда след оборвался.

В следующий миг, исчез перестук колес. Ощутил прилив тошноты внизу живота и невесомость, так словно ребристый вагон оторвался от колеи и взлетел. Голова поезда наклонилась вниз. Павел вцепился кончиками пальцев, практически ногтями в края дверного проема. Попытался выйти, но повис и тут же инстинктивно подтянул ноги к груди, принял позу эмбриона. Локомотив, так и не сумел замедлиться. С сильным грохотом поезд провалился в каменный мешок, гигантских размеров.

Тоннель закончился. По периметру подземного хода торчала острая арматура разной длины – скелет конструкции, что замурован в бетоне вылез наружу. Сплетение металла, как железные когти выдавалось на несколько метров вперед. Железные прутья, загибались вниз, покачивались под собственной тяжестью, постукивали и терлись друг о друга ржавыми боками. В тишине отчетливо слышен легкий металлический шорох.

В конце самые длинные прутья смыкались в редкий пучок и лежали крест-накрест. Ловец снов диаметром шесть метров. Десятки лет назад метростроевцы по неизвестной причине их не обрезали и бросили. Сейчас работу доделал поезд. Состав разорвал железную сеть, высек из нее желтые, яркие искры, погнул и поломал неровный ряд копий. Разрезал плотный, густой, застоявшийся воздух, в свете искр изогнулся в огромную гусеницу, и камнем рухнул в бесконечное ущелье.

Состав подрагивал и вибрировал из-за колес. Колесные пары продолжали накручивать километры. Павел успел подумать, и даже мысленно съехидничать, что куда – то делись те размеренные, с четким интервалом звуки ударов колес о стыки рельсов.

– Тын-дын, тын-дын. И куда все это делось? – спрашивал он кого-то.

Поезд выгнулся еще больше. Как разъяренная кошка или гигантская старая гусеница когда-то ядовитого, а теперь вылинявшего едва синего цвета и влекомый силой притяжения понесся вниз, к земле, в неизвестность.

Забегим вперед. Скажем, что падение было затяжным, а грохот от приземления ужасен. Правда, никто шума не услышал. Глубина, где произошла авария или иные особенности места поглотили все звуки в два счета.

Пустота не имеет границ, но они угадываются за темнотой. Звук отражается от невидимой ограды и возвращается эхом. Свод пещеры подпирают высокие, очевидно, что рукотворные колонны. Они не имеют ни основания, ни окончания. Колонны теряются внизу и вверх. Столбы стоят хаотично, но тоннель, что вывели сюда, неизвестно для каких целей, выплевывает поезда ровно между ними.

Если бы у Павла была возможность, он бы увидел. Как ровные линии углов колонн обрываются и в том месте вырваны огромные куски камня. Возможно, полет поездов – траекторию рассчитали инженеры прошлого, не всегда проходил гладко. Так как задумано.

Его высочество случай. Возможно, это ошибка в проектировании. А может новые поезда легче и их заносит влево и они на огромной скорости врезаются в столбы. Крошат их, но и сами, ломают межвагонные суставы. Складываются как консервные банки, рвут обшивку и отламывают колесные пары.

Последний вагон, накренился, зацепил опору, вырвал кусок рыжего кирпича, который из-за старости, что граничит с ветхостью или из-за некачественного обжига бруска начал крошиться. Поделится на слои. Со временем слои отмирали, выпадали. Так, что вместо кирпичей в колонне зияли глубокие черные выемки. Пласт квадратного блока, заметно крупнее

обычного, полетел вниз. На лицевой стороне камня, одним сильным ударом мастера вбиты неровные буквы – «Кирпичная мануфактура братьев Демидовых» 1877 г.

Глубоко. Колонны необъятные, как тысячетлетние секвойи в первобытных лесах Северной Америки. Говорят, что их небольшие островки сохранились до наших дней. На фоне деревьев фотографировались туристы и пытались обнять, взявшись за кончики пальцев восьмером, а когда это удавалось, обязательно улыбались.

Глубоко потому что колонны такой толщины поддерживают колоссальный пласт земли. В разы толще тех, что покоятся над самыми глубокими станциями московской подземки. Колонны не услаждают взор туристов, как ионические или коринфские столпы. И не венчаются витиеватой капителью, а сдерживают породу. Супер – бункер не воплощение передовой мысли проектантов пятидесятых годов, когда подземное строительство двигалось семимильными шагами, забирая молодость и здоровье энтузиастов-комсомольцев.

Огромное, грубое, гигантское – без нулевого километра и видимого конца. Помещение под землей, чье предназначение никому неизвестно.

Возможно, это бомбоубежище. Но добраться сюда после нанесения ядерного удара физически невозможно. Даже, если бы москвичи и гости столицы бежали от ядерного гриба со всех ног. Задыхались и выхаркивали с непривычки легкие.

Удар о дно вышел смазанным. Поезд прошел по касательной, что возможно спасло машинисту жизнь. Электричка, вспорола колесами, основание подземелье, но не впечаталась в дно со всей силы, как это могло быть при лобовом столкновении. Рухнула на что-то мягкое, продавila его и замерла. На одну секунду.

Поезд медленно сполз, немного подумал и завалился на бок. После чего застыл окончательно, наполовину утонув в груде мусора. Дно пещеры похоже на свалку. Ее границы простирались на сотни метров вокруг. Кроме бескрайних просторов полигон отличал хлам, отборный, словно на мусороперерабатывающем заводе, где ведется отдельный сбор мусора на металл, ветошь, пластмассу, дерево и стекло. Тошнотворный запах, гниющих продуктов – отсутствовал.

Все это изломано, покорежено, как и поезд Павла. Ни одной ровной линии. Всей картины машинист не видел, как и того, что он своим появлением спугнул стайку неведомых животных. Они взлетели и, загребая воздух большими кожисто-перепончатыми крыльями, пролетели над разбитым поездом и унеслись в направлении, известном только им.

6

Попытался открыть глаза. Удалось с большим трудом. Голову обручем сжимает боль. Боль пульсирует в лобных пазухах. Кажется, они вот-вот взорвутся. Боль сверху давит на веки. Заставляет держать глаза закрытыми.

Глаза едва приоткрылись, после чего снова закрылись. Вторая попытка. Посмотрел в узкую щель, но ничего не увидел. Темнота. Сил, чтобы пошевелить головой – нет.

Отложил изучение местности на потом. Пошевелил пальцами рук. Сначала пальцами правой, у него это получилось, затем левой ладонью. Она не сдвинулась с места потому, что плотно придавлена погнувшимся поручнем к потолку вагона.

Вагон с треском осветился. Всполох белого огня произошел там, где кончались ноги и немного дальше. Лопнула одна из ламп. Вспыхнула на секунду и окончательно сдохла.

Напротив, чуть выше головы прочитал «Тидерк». Без усилий перевел. Дельцы предлагают влезть в финансовую западню. Даже безработным. Для этого надо просто позвонить по зеркальному, легко запоминаемому телефону. – И как эти мошенники получают красивые номера? И главное номеров хватает на всех, – Павел находился в скверной ситуации, но как всегда думал о пустом. О чем – то незначительном. Кредит он давно погасил. Был счастлив и больше иметь каких-либо отношений с навязчивыми кредиторами не желал.

Тело болит и ноет. – Каких ощущений больше? Определить невозможно. Болит так, словно его долго-долго крутили в барабане гигантской стиральной машины для стирки людей. Но почему-то без воды.

– Потом, – безразлично подумал Павел, – будет один большой ярко-сливового цвета, без того белесого налета, что покрывает зрелую сливу – синячище. Со временем ушиб пожелтеет, пожелтеет и сойдет.

Боль тупая. Это успокаивает.

– Это, – Павел лежит в неизвестности, – Означает, что из этой передрыги он вышел с довольно малыми потерями. Легко отделался, ни переломов, ни разрывов внутренних органов, скорее всего, нет. Он чувствовал, что одежда сухая и липкая густая кровь не сочится из разорванной брюшины или покалеченного сустава. Павел прекратил размышлять о здоровье.

Когда глаза привыкли, больше догадался, нежели разобрал в полутьме, что очертания, видимые наверху – это силуэты сидений. Они висят над головой. Это нитки поручней, что по горизонтали соединяют пол и потолок вагона. Он лежит в узкой щели, там, где стена вагона переходит в потолок.

За несколько минут, что был в сознании, также отметил, что над головой проходит светлая полоса. Там за стенами вагона светлее. На фоне крошечной черноты, выделяются серые квадраты окон. По краям проемов острыми зубьями сверкают куски стекла, зажатые жесткой резиновой прокладкой.

Целых стекол ни в одном из окон – нет. Кажется. Догадка смутила. Еле-еле пошевелился. Стекло крошево, тихонько звеня, посыпались с него на потолок. Теперь это пол. Звон кажется громом на фоне мертвой тишины. Это последнее, что запомнилось, перед тем как Павел вновь ушел в забытие. Одновременно навалились усталость, боль и сонливость.

Глаза закрылись и глубокий, крепкий сон отключил его от происходящего.

Очнулся от резкой боли. Значит что-то, все-таки пострадало сильнее, чем думал. Болит левая рука. Кисть так и осталась в тисках между поручнем и потолком. Он не знал, сколько пробыл в бессознательном состоянии, что перемежалось сном. За это время обескровленная рука опухла. Приобрела синеватый трупный оттенок. Возможно.

В действительности цвета руки Павел не видел, но и во тьме понимал, что дело куда серьезнее, чем он предполагал. Сон пошел на пользу. По крайней мере стало немного легче, и чтобы понять насколько сжал правую ладонь в кулак.

В следующий момент перевернулся влево, сел, повернулся лицом к зажатой руке, уперся коленом об стену и, осознал, что если он не сделает это с первого раза, а на второй рывок сил уже не останется, то ничего не уже получится. Потянул поручень вверх, а левую руку, ее он чувствовал только у плеча вбок.

Жутко сдавленная кисть, цеплялась опухшей тканью. Сдирая, кожу до костей натянутая рука на последних сантиметрах, как кусок мяса выпрыгнула из капкана и ничего не чувствующей пятерней смазала по лицу. От боли потерял сознание.

Третий выход из бессознательного состояния Павел запомнил, как самый сносный – ныла только рука. Для конечности, судя по ощущениям последние часы, стали началом оздоровления. Ободранная и припухшая она была живая, горячая от крови. Красная, она омыла застоявшиеся сосуды. Однако общее онемение сохранялось, и кисть также безвольно висела.

Выдернул подол рубашки из брюк. По краю оторвал широкую ленту. Связал узел и накинул на шею, после чего продел руку сквозь тряпичное кольцо. Сил хватило, чтобы подняться, опереться о стену вагона и снова задуматься.

Время шло. Он оценивал положение, и раз за разом откладывал попытку встать и вылезти из железного короба. Глаза давно привыкли к полутьме. Все видно отчетливо. Отчужденное сознание рисует вид со стороны.

В пустом вагоне сидит, согнув одну ногу в колене одинокий потрепанный человек. Мозг пронзают тысячи мыслей и ни на одну из них не находится вразумительного ответа. Мелькают вопросы: – Как? Зачем? Почему? На этом мысль обрывается и ускользает, а на ее место одновременно лезут сотни новых.

В какой-то момент Павел резко встал, сделал два шага и вскинул голову, так что хрустнули позвонки. Отсюда надо выбираться. Каких – то два метра с небольшим, но при его среднем росте и недееспособной руке – это проблема.

Представил, что вагон полон молока и он как та лягушка пыхтит, карабкается и брыкается, взбивает масло и покидает вагон-кувшин, на деле доказав что упорство, а скорее желание жить – побеждают. Но доказывать что – либо здесь было не надо, а молока не было и в помине.

Тут же, впервые поймал себя на мысли, что до сих пор никто не появился и не стал его спасать. Ни тебе воя машин с красными крестами, ни людей с носилками с лицами полного благородства. Никто не хочет стать героем и спасти человека, попавшего в катастрофу.

Встал на поручень, шест теперь был в полуметре над полом. Дотянулся до следующего, тот тоже оказался не так уж и далеко. Подпрыгнул, правой рукой уцепился за трубу и тут же подобрал ноги. Закинул на поручень. В следующий момент выбрал в разбитом дверном окне место, где не было стекол, зацепился за него рукой, и, отталкиваясь ногами, подтянулся.

Работая ногами и одной рукой, сначала вытолкнул на поверхность торс. Перевалился через край, вытащил ноги. Лежа отполз и почувствовал животом ребристый бок вагона. Тут светлее, но прохладнее.

Пополз вперед к началу вагона. В кабине машиниста остался старенький, с потерто-стями, отвалившейся от джойстика стеклянной вставкой, расцарапанный и неубиваемый мобильник «F». – Надо найти, позвонить, сообщить, ждать, – командовал мозг. – А потом поест, – там есть пластмассовый короб с бутербродами, что прихватил на обед.

Думалось быстрее, чем делалось. Еще пару часов назад Павел преодолел бы это состояние в два прыжка. Сейчас помятая фигура с трудом и опаской – можно соскользнуть или потерять равновесие потому, что кружится голова, а еще потому, что идти приходится по краю вагона, обходя черные дыры окон – двигалась к кабине. Она и без того узкая стала

еще уже. Пространство расплющил хлам, в него врезался поезд. Поезд, по инерции протаскился несколько десятков метров, собрал мусор, спрессовал его до прочности стены и, в конце – концов, вдавился в него.

Над вагоном возвышается разнородная гора. Мусор нависает над разбитым, сплюснутым окном.

Грозит обвалиться и завалить оконный проем – единственный проход, через который сейчас можно проникнуть в кабину. Здоровой рукой, оттащил какие – то листы железа, палки, трубы. Отпихнул ногой пару банок.

Кабину насквозь пронзает толстая металлическая труба. На нее и встал, когда полез вниз. Кабина стала уже чуть ли не вдвое и, когда оказавшись внизу, почувствовал, что не хватает воздуха. Что находится он в ущелье и стены вот – вот начнут сдвигаться. Смотреть по сторонам бессмысленно. Темно. Опустился на колени и стал шарить по полу, теперь это боковая стена, здоровой рукой. Ощупывал каждый угол и щель.

Лобовое стекло разбито наполовину. Неизвестно, как так вышло, но одно из стекол сохранилось и находится на месте. Если бы действовали обе руки, все бы продвигалось гораздо быстрее. Ну а сейчас приходилось из-за боязни порезаться медленно, едва касаясь проводить по всему, что валялось под ногами. Павел отдыхал и снова принимался за поиски.

В висках бьет кровь. Ему пришлось наклониться вперед и провести так несколько минут. Не выдержал. Павел опустился на колени. Помедлил и снова принялся за поиски. Сумку с едой и мелочью нашел практически сразу. Рука уткнулась в мягкий кожаный комок.

С телефоном сложнее. Аппарат валялся на приборной панели. – Что с ним случилось? Его нигде нет. В углу рука вновь наткнулась на стекло. На целую гору. Рискуя пальцами, Повел по стеклышку, разобрал завал. Отложил крупные куски, и уже наплевав на осторожность, смахнул в сторону стеклянную крошку. В самом углу рука нащупала знакомый предмет.

Встал с колен. Провел рукой с обеих сторон. Нащупал трещины на стекле мобилы. Закинул ногу на рельс и, воспользовавшись прежним опытом, уже намного ловчее вылез на поверхность с сумкой на плече.

Телефон отключен. Почему – то он потряс аппарат в воздухе и только потом осторожно нажал на клавишу – «Вкл». Аппарат ожил. Свет мелкого экрана, здесь, в сумерках разрезал темноту словно прожектор. Осветил все на десятки метров вокруг. Павел увидел вагоны, что уходили вдаль. Успел прочитать, сообщение о том, что «батарея разряжена». Экран медленно стал угасать. Почернел окончательно.

7

Чувство безысходности, охватило Павла. Ослабло. Смахнул под носом. Вскинул голову и еще раз, но уже намного внимательнее осмотрелся. Надо найти способ выбраться отсюда. С самого начала ему показалось, а сейчас он убедился в этом наверняка, что вагоны поезда, его конца видно, загибаются вверх. Так, что виден каждый следующий вагон. Вагоны уходят куда-то ввысь. Образуют не очень прямую линию. И там пропадают. Электропоезд лежит, на склоне чего-то большого. Он уперся головным вагоном в дно, и к счастью покоится как влитой.

Непонятная уверенность в этом взялась неизвестно откуда. Павел не стал уточнять. Доверился чутью и стал спокойнее. Обнадежил, – Катастроф больше не будет.

Следует дойти, то есть подняться к концу поезда, что резко забирал вверх и осмотреться. Выбора нет. А это единственная доступная, видимая и самая высокая точка этого странного места. Жарко. Тут совершил маленькое открытие. Ветра, даже намек на него – маленького ветерка нет. Ни дуновения.

Только громкое пыхтение, да тяжелые выдохи, что иногда освежали открытый треугольник шеи. Павел расстегнул несколько пуговиц, но фирменный костюм снимать передумал. Тут, где все чужое, добротный, сидевший по его фигуре пиджак с шевроном и погонами в секунды стал самой родной вещью и он боялся думать о том, чтобы расстаться с обмундированием.

Оттуда, свысока можно определить, где он и в каком направлении двигаться. Сделал первые шаги в направлении высокой цели. Двинулся осторожно. Также по краю вагона, стараясь зацепиться за ребра. Как он благодарен конструкторам, что они по причине, известной только им их предусмотрели. Одной ногой старался ступать на резиновый пояс, что опоясывает вагон. Так Павел чувствует себя спокойнее – поскользнуться на резине маловероятно. Что – то блесит в темноте. Определил, – Плашка с номером поезда.

Тут же про себя воспроизвел цифры. Ведь знал их наизусть – 2115. Во времени уже не ориентировался. Счет ему потерял, с того момента, как потерял сознание и сколько он здесь находится, Павел даже не мог предположить. Еще один вопрос, оставленный без ответа и забытый.

Небольшое путешествие давалось крайне нелегко, с трудом. Вагоны все круче и круче забирают вверх. Последние стоят чуть ли не вертикально. Градус наклона настолько крут, что ему пришлось опуститься на четвереньки, а поскольку использовать поврежденную руку нельзя точек опоры всего три. Так и полз на трех лапах. Полз и поглядывал по сторонам. Поезд лежит на гигантской куче хлама. Местами плотно утрамбованного.

Лишних вопросов Павел себе не задавал, так как ответов все равно нет. Ответы даст вылазка.

Вот последняя железная коробка. Она за время эксплуатации перевезла миллион, а может быть и гораздо больше пассажиров. В ней целовались, дрались, блевали и делали друг другу колкие замечания. Сейчас же ее торец должен стал капитанским мостиком, той бочкой на грот – мачте корабля, из нее торчит нос впередсмотрящего юнги. Мальчуган до рези в глазах смотрит в синюю даль и тренируется про себя прокричать, – «Земляяя!».

На этой мысли почувствовал, как с лица одна за другой, скатываются крупные капли горячего пота. Выделения потовых желез ощутимо катились между волосами, пересекали лоб и срывались с подбородка. Взмок полностью.

На слабых ногах, боясь оступиться и быстро проделать обратный путь с заведомо приговорным результатом, можно было переломать целые руки и ноги, медленно, нащупал паль-

цами ног места, чтобы зафиксироваться, привстал, убедился, что падение ему не угрожает и поднял голову. Выругался. Быстрее, чем осознал, что увидел.

Картина не укладывается в голове. Апокалипсис или его фрагмент. В металлической синеве хаотично лежат разбитые, покореженные поезда. Десять, пятнадцать, а может и больше.

Изломанные линии, вырванные с мясом колесные пары, оторванные вагоны, пассажирские и грузовые, – И откуда они здесь взялись? Локомотивы с большой силой раскиданы на огромной площади. Так словно в детской комнате только что закончилась бесконтрольная игра.

Всмотрелся в мертвый пейзаж, но его ничто не нарушает: ни звука, ни малейшего движения. Вагоны, вагоны, вагоны. Вагоны везде. Повсюду. Металлические и деревянные «теплушки». С разорванными боками, раздавленные, без стекол. Лежат на боку. Вверх колесами.

– Путь, каким они попали сюда, похоже, ему знаком на личном, весьма болезненном опыте, – Павел погладил больную руку. Получить такие повреждения можно, только рухнув с приличной высоты. Павел немного разбирался в моделях и видел – груда металла неоднородна.

В свалке современных электропоездов видны, оторванные от огромных, с человеческого рост, железных колес рычаги, как лапки кузнечика. Они приводят в движение старые черные паровозы с красной звездой на котле.

Сейчас рычаги, изогнулись, торчали вверх, как будто гигантский представитель рода саранчи сдох и лапки мертвого насекомого навсегда неправильно выгнулись. Определить возраст паровозов с такого расстояния невозможно. Но он готов поспорить, – многие из этих поездов колесили еще по дорогам царской России, до революции, а некоторые попали в СССР в качестве трофеев по итогам Второй мировой войны.

Картина породила еще большее количество вопросов. В голове выстраивались цепочки догадок. Процесс затянулся. До тех пор пока нечто внутри не решило – пора в обратный путь. Павел замер и стоял, вытянувшись как струна. От напряжения тело заныло. Произнес в пустоту, – Да, пора вниз.

Известно – забраться на дерево намного проще, нежели спуститься. В подобную ловушку попадал практически каждый мальчишка. Отчего – то ветки дерева не приспособлены для спуска вниз и легкий путь наверх оборачивался крайне неприятной вещью. Именно в это время набивается наибольшее количество синяков, ссадин, царапин.

Здесь не легче. Назад ведет абсолютно ровная железная дорога под хорошим уклоном. Вновь пришлось опуститься на колени и чтобы сохранить центр тяжести пятиться назад, ощупывая ногами дорогу. Можно конечно рискнуть, прыгнуть в мусор, но боязнь утонуть и захлебнуться в нем заставила отказаться от идеи.

Возвращаться, может это и намного дольше все-таки лучше проторенной дорожкой. Путь к подножию горы хлама из-за повышенной осторожности занимал все больше и больше времени.

Миновал четвертый вагон. Навалилась такая слабость, что мелькнула предательская мысль отпустить руки и кубарем скатиться вниз. Но жажда жизни не позволила это сделать. Вопреки всему происходящему жить хотелось, так же как и всегда. Жизнь хотелось выбрать до последней минуты, что отвел кто – то сверху.

Чем ближе основание горы, тем тоньше становится слой отходов. Первый вагон возвышается над полигоном метра на полтора. Здесь другого выхода нет. Прыжок вниз. Потому что прикидывать, выверять и ждать нет сил. Прыгнул и охнул от боли. Адская прорезала руку и, словно эхо, отозвалась во всем побитом теле. Сделал пару шагов, кинул сумку среди картонных коробок – тут их лежит целая куча, и, продавив их, завалился на бок. Спать.

Неизвестный внутри подсказал – на поверхности ночь. Тяжелый сон быстро и незаметно выдернул из полутьмы подземного хранилища отходов в полную тьму. В тот крепкий сон, когда не снятся сны.

Первая мысль после пробуждения снова вопрос, – Есть ли здесь, на этой свалке, что растянулась на километры вокруг кто – то живой? Захотелось встать, сложить руки в рупор и закричать «Лююююди». Но повреждена рука, а во-вторых, откуда-то из глубин сознания всплыло – попытка обречена на неудачу.

Будучи там, наверху, признаков жизни Павел не увидел, сколько не всматривался, и была большая вероятность, что это будет бесполезная трата сил и времени. Крик в пустоту, да и докричаться до кладбища паровозов – так он окрестил груду металлолома – нелегко.

Кладбище находилась на значительном удалении, и теперь едва показывалось над ровной линией горизонта, что образовал полигон. Прикинул, – Преодолеть нужно будет километра пять – семь километров, а может и больше, – Павел вел нехитрый подсчет навскидку.

С высоты все, как на ладони – тут он впервые трезво осознал, что помещение, в котором находится, имеет исполинские размеры. Справа возвышалась гора, слева десятки разнокалиберных колонн, между которыми ничего не угадывается. Окраина подземелья по-прежнему скрывается от глаз.

Впереди, едва видимое, место крупнейшей железнодорожной катастрофы в мире. С той скоростью, с которой передвигается Павел – до «Кладбища» пробираться несколько часов.

Пробираться неизвестно где, под землей, понимая, что и через полчаса и через час пещера не закончится, а продолжится и дальше на неизвестное расстояние. Тут стало не по себе. Не ко времени возникла мысль о том, что Вселенная бесконечна.

Попробуйте представить то, у чего нет ни начала, ни конца. Попробуйте представить бесконечность. Там, во мраке космической ночи самый современный звездолет, заселенный молодыми парами космонавтов в самом цветущем, репродуктивном возрасте, на команду возложена миссия организовать колонию на далекой планете может пробираться сквозь мириады планет сотни лет.

Маленькая Земля, под ее обшивкой сменятся несколько десятков поколений людей. Звездолет будет продвигаться, периодически выплевывая мешки с трупами родителей, бабушек и дедушек, которых отправят за борт, потому что на корабле нет места для их хранения. Продвинутые конструкторы не предусмотрели колумбарий. До тех пор пока процесс эволюции не зайдет в тупик, потому что за время полета в звездолете все стали одной крови, и началось вырождение. Потомство самых здоровых космонавтов, прошедших строжайший отбор мало походило на праотцов. По отсекам медленно передвигались невнятные тени. На борту также вдоволь питания, также бесперебойно работали двигатели, унося тех, кого когда – то громко именовали покорителями космоса в бесконечность. Проведя несколько сотен лет на борту было бы глупо говорить, уносясь от Земли. О ней здесь уже никто не знал, а информация, заложенная в компьютер, воспринималась не более чем игрушка первого поколения. Однажды на всем корабле останется один человек, который или покончит с собой или доживет свой век, а планета, к которой направлялся корабль, останется, также недосыгаема.

Потому что ученые ошиблись в расчетах, и она оказалась несколько дальше. Уже неважно через, сколько лет на эту планету приземлится изрядно побитый корабль, преодолевший миллиарды световых лет. Роботы сделают свое дела, и посадка будет идеальной, в месте идеально подходящем для жизни человека. С идеальным сочетанием в атмосфере кислорода и углекислого газа, чистой водой, обильной зеленью и без враждебных форм жизни. Но из корабля никто, никогда не выйдет и планета, похожая на Землю так и не станет колонией. А высохший труп в кают-компании не станет поселенцем. Приборы, следуя,

заложенной программе будут фиксировать, и заниматься сбором информации: исследовать воздух, почву, климат, воду, силу притяжение и что-нибудь еще.

Еще через пару сотен лет, когда обшивка даст трещину из щели вылетит стайка мушек – дрозофил, что взяли на борт для опытов. Мошки чудесно перенесли полет. Цикл жизни этих насекомых всего 3—4 недели и за это время сменились миллионы поколений, которые были здоровы, как и их предки. Плодовым мушкам на этой планете никто не угрожал. Через несколько миллионов лет эволюции планету населяли неизвестные разумные существа, которые так и не смогли однозначно определить, кто был их прародителями. Ученые настаивали на том, что от вида, существующего в дикой природе и поныне, отделилась ветвь, которая пошла своим путем и в ходе эволюции стала разумной.

В атмосфере планеты все еще можно было обнаружить атомы сверхпрочного металла, из которого был отлит самый современный на Земле звездолет.

Вот что означает – бесконечность.

8

Склизкой рукой охватила безысходность. Положение усугубляет и пугает полная неизвестность. Попробовал набросать план на будущее. Ничего не получилось. Разнородная информация никак не хочет складываться в единую картину, и он продолжал тасовать пазлы мыслей.

Неизвестность держит в напряжении, и она же дает небольшой процент непонятной надежды. Именно такой, неопределенно-размытой, потому что осознать, на что в его положении можно надеяться и рассчитывать не возможно. Пространство, что окружает нужно осваивать, а время на размышления сокращать. В этот момент уверенность есть только в одном. В том, что его жизни ничто и главное никто не угрожает.

Это немного успокаивает, убаюкивает. Да так, что хочется лечь и не вставать. Полностью отдался в руки провидения. Разорвал цепь мыслей. Человечек сделал первые шаги по направлению к цели. Продвигался с трудом, то и дело, обходя кучи мусора. Ни сколько-нибудь утоптанной тропинки, ни тем более дороги – ни малейшего намека на след человека.

Ощущение, что это дерьмо попало сюда по воздуху. Ноги иногда по щиколотку, а иногда и по колено утопают в мусоре. Когда попадается много бумаги, целые залежи, Павел шел по осеннему лесу, попиная, как рисовало воображение желто-красные, с упругими прожилками, напоминающими человеческую пятерню, изъеденные жучками листья клена.

В детстве любил аккуратно выбрать полотно листа между прожилками и тогда в его руке оставался прозрачный скелет, похожий на антенну фантастических форм.

Шорох, издаваемый при этом, разбудил воспоминания о прогулках по осеннему лесу. «Бумажных отрезков» попадалось немного.

Носком зацепил пачку толстых журналов. Наклонился. Поднял. В ладони зеленый с белыми полосками номер журнала «Роман-Газета» 1982 г. издания. На обложке влево смотрит лысоватый мужчина в костюме и в годах – автор номера. Под фото написано – Юозас Балтушис «Сказание о Юзасе». Непонятно зачем затолкал журнал в сумку, она перекинута через плечо, и с упорством двинулся дальше.

Остальной путь преодолел, свесив голову, но ничего из того, что валялось под ногами – не заинтересовало. Шел, и исподлобья поглядывал на растущую гору черно-синего металла. Она по мере приближения становилась все выше. На глазах растут и приобретают четкие очертания расщепленные вагоны и тягачи.

Граница «кладбища» – огромное, больше двух метров в диаметре, колесо от паровоза «Е-2450», на него наткнулся случайно. Встал, с тем, чтобы перевести дыхание. Из курса истории, когда учился на машиниста, выдернул – такие локомотивы поставлялись в СССР по «ленд-лизу», несколько послевоенных лет. Производили их в США, в штате Филадельфия. На этом его познания закончились. Да и глубокий исторический экскурс в историю, вглубь веков отечественного и зарубежного паровозостроения сейчас интересовал меньше всего.

Передохнул. Отправился дальше и через пятьдесят-семьдесят метров подошел к самому «кладбищу», его край, неправильно изгибаясь, а в некоторых местах, оказавшись перекрученным, окаймлял, словно оборка изломанной кольчуги, знакомый электропоезд. В депо он видел его сотни раз и хорошо знал.

Ноги на бешеной скорости понесли в сторону первого вагона. Бежал и втайне надеялся, что страшного все-таки не произошло, а кабина пуста. Но, еще не добежал, как понял – это не так. Отвратительный запах гниющего мяса, здесь, где воздух отказывался циркулировать стоял плотной стеной. Окутывал вагон, лежавший на боку.

От смрада тошнит. Но Павел заставил себя. Подошел, вскарабкался на вагон и заглянул в нутро кабины, где завершался процесс разложения трупа напарника и хорошего товарища. – Леха! – Павел по букве выдавил имя. Парализованное горло не давало говорить и дышать. Где – то снизу раздался шорох. Останки дернулись. В разные стороны прыснули крупные, как поленья дуба, отъевшиеся крысы, испуганные его появлением.

Здесь невозможно находиться физически – запах проникал в поры. Быстро обыскал внешние и внутренние карманы форменного мундира. В руках оказалась твердая пачка синего «Б», зажигалка, рабочее удостоверение с красной обложкой и золотым тиснением.

В последний момент, не раскрывая браслета, сдернул с руки, обтянутой остатками кожи механические часы. Те самые – простые, с выпуклым стеклом и без изысков на циферблате.

Только XII римских палочек-цифр.

Такие хронометры в коллективе носили старые, проверенные временем работники, предпенсионного возраста. Кожаные, потрескавшиеся, как земля в пустыне во время адской засухи, ремешки плотно обтягивали запястья и передавливали синие вены рук, в которые вьелось машинное масло, так сильно, что казалось – часы вросли в плоть хозяина. И уйдут с ним в могилу.

На часы, кстати, сколько он ни старался увидеть, никто из них никогда не смотрел. Сам же наручные часы считал – атавизмом и неоднократно подшучивал над верностью Алексея своему старенькому хронометру. Отвернулся. Быстро пробормотал, – Будь спокоен, – что к этому можно добавить еще Павел не знал.

Также быстро покинул могилу. Соскочил с вагона и постарался как можно быстрее отдалиться от поезда. Запах преследовал. Он глубоко вдыхал, выдыхал и задерживал дыхание. Старался прочистить легкие, и шел вперед, не желая останавливаться. Продвигался вглубь «кладбища» из спрессованного металла и разорванной на волокна древесины.

Место, где находился, совсем не подходит для прогулки. Приходилось много и часто петлять, как зайцу, озадаченному поиском ночлега, а потому запутывающему следы. Заяц скачет вперед и возвращается назад. Рисует рисунок с тем, чтобы хищник сломал голову.

Полоса препятствий, установленная в армейском подразделении, для тренировки бойцов элитного отряда по сравнению с этим – пустое шоссе. Путь преграждают буераки из вагонов и поездов. Тогда он вынужден выискивать дорогу. Обходить их, как подстриженные газоны в английском лабиринте. Пролезть под ними даже по-пластунски невозможно, так как все тяжелое плотно утопает в мусоре. Когда цепь состава оказывалась разорванной – Павел боком, впритирку, а иногда и свободно проходил сквозь щель. Мельком поглядывал на разорванный серебристый металл.

Остановился, когда исчез неприятный запах, что гнал в неизвестном направлении.

Тут и остановился на ночлег. Приступы усталости и полного бессилия, как волны накатывают все чаще, а вспышки бодрости между ними становятся все меньше. Надо основательно отдохнуть, восстановить силы. Курить бросил давно. Попробовал в школьные годы и проблевавшись в школьном туалете, он, тем не менее, обзавелся этой вредной привычкой. Курить продолжал и в ученические годы учебы. Пока, однажды вечером не выкурил сигарету, и не решил, что больше не курит. Потому что надоело. С того утра к сигаретам не притрагивался.

Сейчас же нащупал в кармане пачку. Открыл ее и, нащупал жидкий ряд сигаретных гильз. Подцепил за фильтр и отправил в рот. С силой закусил основание. Вдохнул дым и сразу почувствовал, как голову закружило в легком никотиновом опьянении.

В несколько глубоких затяжек выкурил первую сигарету. Тут же прикурил вторую и уже, затягивался не так долго, стремился растянуть перекур, намного медленнее прикончил ее. Надо подумать о пожарной безопасности. Тщательно притушил окурки. Растер их, чуть ли не в труху и когда убедился, что не видит ни малейшего мерцания, даже намек на искру отбросил бычки.

Надо обустроить ночлег. Измученное тело требует тепла. Чего-то живого и светлого. Посмотрел на свод между двух стен, что образовывали вагоны. Они походили на края ущелья. Взялся подбирать место для костра, и снова вернулся к безопасности. На сотни метров вокруг валяются пропитанные густым маслом обездвиженные механизмы. Деревянные вагоны высохли до состояния пороха. Безобидный хлам под ногами – опасен.

Для разведения открытого огня нужно прочное, железное основание. Отправился на поиски. Загадал отыскать большой кусок железной обшивки вагона.

Металла вокруг хватает. Уже очень скоро Павел отодрал от вагона широкий, толстый кусок вспоротой обшивки, металлический лоскут висел на честном слове. Под ним подразумевалась пара наполовину выдернутых из своих гнезд дюралевых гвоздей. Их выдрал вместе с полотном.

Вернулся. Приложил немало усилий, но загнул края куска металла вверх. Получилось некоторое подобие среднеазиатского большущего подноса. В его центре мог безопасно гореть не большой костерок. С топливом еще проще. В дело пошла деревянная обшивка. Одинаковых реек под ногами валялось великое множество. Старые вагоны получали наибольшие повреждения, и если металл рвался и гнулся, то эти просто разлетались в щепу. Подступы к ним усыпаны трухой. Дров принес столько, насколько хватило сил. Вылазка заняла четверть часа. Вскоре в центре железного листа горел костерок. Пламя сделало окружающий пейзаж обитаемым. Придало мрачноватой картине теплых тонов.

Сумерки расползлись по щелям, спрятались за вагонами и внутри уцелевших коробок. Последнее, что сделал – поел. Без аппетита сжевал два, с признаками начавшейся порчи бутерброда, а обертку перетер между тремя пальцами. Щелчком отправил в огонь. Пожелал, чтобы все неурядицы сгорели в желтом пламени.

Теперь у него много свободного времени.

9

Лицо искривилось в невольной, снисходительной по отношению к себе, невеселой улыбке, – Много свободного времени.

А ведь еще позавчера минут и часов катастрофически не хватало. Приходилось выкраивать, выбирать, определять важное и отказывать себе во многих вещах. Уперся затылком в холодное железное колесо. Ни намек на брезгливость. Там такое было бы непозволительно. А сейчас выпрямил ноги и уперся ступнями во что – то твердое. Плотно прижался к колесу спиной. Уснувшие и размякшие мышцы потребовали нагрузки. Напрягся и замер.

Расслабился. Посмотрел, напротив, на крышу неизвестного поезда. На ней играют едва заметные блики. Даже не блики, а просто пятна света. Внимательно осмотрел трещины в краске, разводы, линии стыковки листов. Расслабил глаза. На железной стене проявился профиль незнакомца с огромным носом, тонкими губами и гусиной шеей. А вон неведомое животное – наверное, дракон из тех, что рисуют на спинах боевики и боссы якудзы. Только совсем не цветной и не красивый. Там где должен закончиться хвост ящера, взгляд уперся в плотно закрытую крышку с утопленной, блестящей ручкой. Вслух произнес, – Много свободного времени.

Пуститься в новое приключение? Такого желания в себе не нашел и отложил его на завтра. Костер полыхал. И света что он источал, хватает, чтобы прочесть те редкие надписи с технической информацией, что изредка попадаются глазу. Достал потрепанный журнал, но, не смог дочитать и первой страницы. Там молодой Юзас начинал взрослый путь, и только влюбился в соседку-селянку.

Человек склонил голову, дернул ею несколько раз, а потом завалился набок. Прожорливый огонь быстро съел остатки дров и полутьму едва освещали угольки. Они постепенно обросли белесой коркой золы. Затем, мигнули напоследок. Исчезли.

Проснулся. Пробурчал, – Доброе утро. Действительно ли это утро? Или полдень или что – то другое? Плевать! Все, что обдумывал, вдруг неведомым образом поделилось на важное и на мусор. Перестал думать о втором, понял, как много его в голове. Было. И совсем не понятно, за счет чего мусор там удерживается?

Наверху, как и другой обыватель, что ограничен рамками действительности Павел долго колебался перед тем, как определить – что для него важнее? Здесь все произошло само собой и огородило высоким забором с колючей проволокой поверх вертикальных, очень плотно подогнанных, выше человеческого роста, деревянных перекладин.

Важно сохранить здоровье, а значит и жизнь. Важно не потерять рассудок. Как и герой Даниэля Дефо, он, возможно, оказался на необитаемой, заброшенной территории. Но в отличие от молодого повесы, тот сознательно искал приключений и взошел на борт деревянного, резного «Галеона», Павел оказался не на тропическом острове. Автор «Робинзона» был милостив к герою. Остров, куда перо писателя поселило потерпевшего кораблекрушение на долгих двадцать восемь лет, изобиловал пресной водой, фруктами и дичью. Прототип героя Дефо, некий моряк прожил на необитаемом острове намного меньше – четыре года. Оба срока все равно кошмарно длинны. От размышлений ломит череп!

Поэтому все остальное настолько ничтожно, что об этом невозможно задуматься. Даже если задействовать силу воли.

Повлиять на килограмм или чуть больше нейронов, помещенных природой в черепную коробку – невозможно. Мозг отбросил ненужное.

Вместе с телом проснулись инстинкты. Не те человеческие потребности, как говорят в обществе, а тот первобытный инстинкт, Один – единственный. Он охватывает все существо. О себе заявило растущее чувство голода.

План как можно быстрее покинуть склеп, сметен чувством голода. План растоптан. Неизвестно, но интересно. На какие частицы распадаются мысли? Взять и выйти, отсюда точно не получится. Павел перекинул сумку за плечо. Выдвинулся исследовать местность. Первая вылазка, что совершил накануне, когда обустраивал стоянку, не прошла бесследно. Машинист довольно сносно ориентировался на площади в один гектар. Он научился ловко скользить между завалами и нагромождениями. Чутье подсказывает, и он уже часто угадывал, где между вагонами есть проход, и с какой стороны лучше обойти поезд, чтобы не тратить драгоценное время на возвращение назад.

Чаще всего попадают грузовой составы. Большого интереса они не представляют. Модели эпохи Советского союза. Некоторые собраны в более раннее время. Целый музей. Правда экспонатам не поможет и очень глубокая реставрация. Заглянул в рядом стоящие вагоны. Удостоверился, что они пусты и больше на них время не тратил. Обходил и кабины «старичков», так как найти там что – то съестное – маловероятно.

Возможно, удача улыбнется здесь? Преодолею очередное препятствие из покореженного железа. Наткнулся на относительно целый пригородный электропоезд, матового темно-зеленого цвета.

Не торопился. Дошел до конца поезда, к нему он оказался ближе и забрался внутрь. Обследовать с хвоста до головы.

Разбитые вагоны, оторванные сиденья. Глаз замыливается. Ничем не примечательная картина. Она повсюду. Крошево из стекла с частицами букв «Не прикасаться». Двери заклинило – иногда их удавалось открыть. Но чаще нет.

Тогда приходится выбираться наружу и разными путями проникать в следующий вагон. Один. Другой. Они все пустые – Пустой, пустой, и снова ничего, – думает Павел. В некоторые даже не влазил, а просто осматривал сквозь оконные проемы. Исследовал все вагоны. Добрался до кабины и приготовился увидеть привычную картину. Но рабочее место машиниста пусто. Никого.

Только на крупных остатках лобового стекла виднеются засохшие желто-зеленые подтеки из насекомых, что на скорости разбила электричка. Когда это были крупные насекомые: стрекоза, шмель или слепень на стекле появлялось жирное пятно – каша.

Часы, нацепил их поверх рукава, заведенные должным образом, а именно – до щелчка, показали – в поисках еды провел больше трех часов. Приложил циферблат к уху, чтобы услышать щелканье стрелок. Хронометр отстреливал секунды времени, и этот звук кажется приятным и родным. Вылазка не принесла результатов! Обратно, в лагерь, шел неудовлетворенным и понурым. В глазах рябит от однообразия. Приступы голода заявляют о себе все сильнее. Пробрался в щель. Развел костер и, свернувшись в позу эмбриона. Заснуть. Быстрее. Физическая разбитость и усталость одолели желание поесть.

Снова утро. Крепко зажмурил глаза. Открыл и моргнул еще несколько раз, чтобы согнать пелену и муть. Глаза сфокусировались. Обшарил взглядом периметр, пересек его по диагонали – и не нашел за что можно зацепиться. Конечной точки нет. Потолок утопает во тьме. Попытался представить район Москвы, под каким он сейчас находится. Не удалось.

Он так много проехал и прошел в неизвестном направлении, что сказать даже навскидку, что над ним – невозможно. Может нефтеперерабатывающий завод в «К», а может и Кремль или одна из сталинских высоток. Из тех, что стоят не у реки. Тут большой водой и не пахло. На этой мысли захотелось пить. Насчет высоток и исторического центра кажется – переборщил. Единственное, что смог представить так это солнце, дерево. У его основания, у самых корней стоял мелкий белый с рыжими пятнами ризеншнауцер и зажмурившись от удовольствия – ссал, брызгая во все стороны. Псу можно позавидовать.

Слева, наверху раздался шорох. Посторонний звук вбросил адреналин. Сердце застучало раз в сто сильнее и громче. Павел испугался. В крошечной тишине – звук может быть

предвестником самых разных событий, с разным концом. Хорошо, если это одна из тех жирных неизвестно на чем отъевшихся крыс из метро. Чудовищных размеров, – о подземных монстрах много и с удовольствием писали на заре эпохи диггерства – исследователи коммунальных глубин.

Первопроходцам, как и всем людям, видимо, было свойственно преувеличивать, а сто-метровый поход по канализации – героизировать. Метро притягивало. И в разное время в подземке обнаруживали крыс – мутантов, крокодилов, пираний, огромных тропических сороконожек, многометровых змей и другую нечисть.

Все рассказы написаны с чьих – то слов. Очевидцы, описываемых событий почему – то никогда не находилось. И те, кто своими глазами видел всех этих тварей – пропадали в безвестности.

Сейчас эта писанина совсем не кажется фантастикой и выдумкой. В следующий момент в полной тишине Павел услышал дыхание – сопение и скребущий звук. Так будто кто – то не сильно царапает тонкое железо.

Поблизости от него кто-то находится. Скорее всего, животное и возможно оно рассматривает его. Снисходительно, как потенциальную жертву. Стать чьей – то добычей очень не хочется, но распределение ролей, а что стоит за неизвестностью – неизвестно, именно такое.

Медленно, с опаской, что заметят, сначала повернул глаза, а потом и голову – влево. Ничего. На уровне глаз ничего нет, а сопение раздается сверху. Все более отчетливое. Раз-меренное. Неужели нечто гигантское? Задрал подбородок, и сильно сморщил лоб. Вывер-нул глазные яблоки, через него. Глянул вверх. Медленно выдохнул сквозь губы, сложенные трубочкой.

Метрах в восьми на краю перевернутого вагона, он стеной лежал напротив сто-янки сидела птица с отвратительно плоской рожей, и скалила мелкие острые зубы. Клюва на морде нет, а вместо оперенья ее покрывают жесткие черные волосы. В них утопают бусинки глаз. Птица передернула кожистым крылом. Летучая мышь.

В следующий миг, в животное полетел кусок железа, что он нащупал рукой. Швырнул. Резко поднялся, и, несмотря на сильное головокружение, помчался в сторону мяса.

Железка благополучно пролетела мимо добычи и через секунды где – то через два поезда раздался звук бьющегося стекла. Мышь взлетела кувырком, перевернулась и поле-тела. Павел побежал следом. Недолго.

Что делать говорит инстинкт охотника. На бегу выискал самое высокое место. Воз-вышенностью оказались несколько машин, рухнувших четко друг на друга. Вмиг забрался на гору металлолома. Выследить, куда следует неприятная птица.

Летучая мышь, ничуть не испугалась. Медленно, покачиваясь в воздухе, летела между столбами. Несколько раз пропадала из виду, и он уже отчаивался увидеть ее вновь, но снова появлялась. Наблюдал до тех пор, пока крылатый зверек не долетел до стены, юркнул в тем-ноту и провалился, словно в трещину. Исчез. Оставалось надеяться, что там гнездо и соро-дичи. Много сородичей, целая стая. Ужасно хочется есть.

Запомнил направление полета и вернулся в лагерь – собраться на охоту. Теперь чувство голода – бодрило. Выдвинуться надо сегодня же, немедленно. До завтра можно и не дотя-нуть. Полчаса на сборы. Павел с дотошностью золотоискателя обшарил местность, выиски-вая и собирая в сумку мелкие детали – болты и гайки, железные обломки. Если попадались куски камня, прихватывал и их.

Набрал десятка с три. Для метания лучше не найти. Пружинисто двинулся по направ-лению, что указала мышь. По пути исправил ломаный полет в прямую линию и твердо пошел к заданной точке.

10

Передвигаться по хламу Павел научился достаточно ловко. С детства сноровист. Ноги уже не вязнут и не застревают в мусоре. Порой видится, что идет он по болоту, а места, куда ступает нога спасительные кочки – твердыня. Встать на них и можно не опасаться за жизнь.

Это второй поход. Вторая большая вылазка в пределах пещеры. Часть вещей, вроде хлама под ногами и столбов – исполинов интереса не представляют. Насмотрелся. Поэтому шел быстро, не оглядывался. Все получается ловчее, когда внимание сконцентрировано на одном. Когда есть цель. Оставил за взмокшей спиной еще несколько колонн. Часы показывают – в дороге прошло минут сорок. Вот и последняя колонна.

Вступил в полосу темноты. Сюда не проникает тот слабый рассеянный свет, что кое-как освещает центральную часть подземелья. А может просто глаза адаптировалось к постоянной темноте. Выждал, и в ночи проступила, сложенная из блоков циклопических размеров – стена.

Край. Мусорная куча закончилась. Павел спустился вниз. Впервые за все это время, с высоты пять или семь метров, ступил на твердую землю. Под ногами абсолютно ровный, вытесанный камень.

Сделал шаг, второй. По округе разнеслось эхо цокота каблучков. Через несколько метров, вытянутая рука уткнулась в холодный, он ощупал, рваный по краям камень. Судя по размерам, выкладывали стену каменщики-гиганты. Огромные, плотно подогнанные умелыми мастерами большие гранитные кирпичи составляют единый монолит. Ни щелочки.

– Куда ускользнула мышь? Можно только догадываться. В этих условиях – новый, сотый по счету вопрос, от них болит голова, усиливает боль. Любая мелочь загоняет в глухой тупик. Идти направо или налево? Стена тянется настолько, насколько видят глаза. Была бы монетка. Ее можно поддеть большим пальцем, ловко кинуть и снять с себя бремя выбора. Жалко меди нет.

Ноги пошли влево. Ошибка может стоить ужина, тут Павел сглотнул густую слюну и привести к закономерному исходу. Думать о таком конце не хочется. Умирать от голода, долго и мучительно, – Брррррр... Шел в задумчивости, а когда услышал шорох и возню, не смог определить, сколько провел в пути.

В черноте, на высоте в два человеческих роста, Павел приподнял голову, зияет еще более черный квадрат. Напротив дыры, на полу лежат нескольких целых гигантских блоков. Рядом еще один – расколот надвое. Неведомая сила выдавила их из стены.

Под подошвой неприятно заскрежетала гранитная крошка. Приподнялся на цыпочки и затаил дыхание. Возня и шорох, похожий на шорох сухой листвы доносились из черного провала. Павел знает, кто там находится, но это не удержало нервы под контролем. Под межреберную перегородку пробралось чувство страха. Оно холодной пятерней сжало сердце. Обдало тело морозной волной.

Осторожно, чтобы не звякало содержимое, перетащил сумку на живот. Зачерпнул и достал горсть железок, камней. Собрал последние силы, освободился от страха и с озлоблением, с яростью метнул первый снаряд в провал. Рука дергается резко и часто.

Первые массивные, толщиной в несколько пальцев болты, огромные гайки и куски камня улетели в черноту просто так.

Для летающих крыс, на них никогда не нападали, это в диковинку. В провале не знают, как реагировать. Но разобрались быстро. Из пещеры раздался громкий писк сотен маленьких клыкастых глоток, и из расщелины со свистом, разрезая воздух, хлынул черный, извивающийся поток мышей.

Живая струя хаотично бросается из стороны в сторону. Вот упала на пол и, не долетев до него несколько сантиметров, взвилась вверх. Сильный поток едва не повалил охотника.

Мышь врезалась в плечо. Павел пошатнулся. Мышь отскочила, как мячик и медленно, почти вертикально упорхнула в высоту. Забросил в размытую мишень последний камень с острыми краями. Обессиленная правая рука заныла. Повисла от усталости. Воцарилась мертвая тишина.

Все, кто смог избежать расправы покинули место. То, где полчище летучих гадов безмятежно жило и размножалось многими поколениями. На полу лежат тушки. Одна неестественно вздрагивает крылом. Пытается взлететь. Наступил на мышь ногой. Раздался слабый треск. Затихла.

В другое, сытое время поступить так жестоко – мягкий, обходительный романтик никогда бы не смог. Сейчас скрытое убийство беззащитных животных – обыденность. Так действие воспринял мозг. Подобрал мертвых мышей. Аккуратно, словно боялся сломать, сложил распростертые, порванные крылья и отправил добычу в сумку. Часть стаи осталась в разломе. Спаниеля, собака ловко таскает подстреленных уток из болота, затянутого густозеленой тиной под рукой нет. Ничего другого, кроме как лезть на стену – не остается.

Провел ладонью и на высоте вытянутой руки нащупал грань. Подтянулся. Забрался на блок, что лежит поближе к стене. Постарался задрать ногу как можно выше. Сделал широкий шаг.

Нога уперлась в стену, соскользнула вниз, и уперлась в узкий выступ. В следующее мгновение оттолкнулся другой ногой. Вытянул руки в стороны, будто бы захотел объять весь мир и плотно-плотно приник к стене. Чуть выше головы основание пещеры. Взял паузу. Отдышаться.

На висок капнуло, медленно потекло, преодолевая морщины к переносице. Густое как сироп. Что это не видно. Догадался. Кровь. Тут же пальцы, все это время Павел ощупывал гранитную кромку пещеры в поисках углублений – за них можно было уцепиться, попали в лужу. Жидкость продолжала сочиться из гнезда.

Вцепился в край. – На вторую попытку сил не останется, – обреченно подумал Павел. Одно сильное движение. Подтянулся до пояса, занес ногу и всем телом ввалился в черноту. Тут можно ориентироваться только на ощупь.

Соорудил факел. Понадобилось 2 – 3 минуты. Дерево, добротное пропитанное раствором от жучков-короедов, обмотанное технической ватой с грубыми комками быстро занялось, завоняло и осветило искусственный ломаный грот. Чудовищная сила выдавила блоки и сместила те, что находились вокруг. Глыбы выпирают, нависают, грозят рухнуть, но в целом сохраняют монолитность конструкции. Все покрыто толстым слоем свежих и старых черно-белого цвета, спрессованных отходов жизнедеятельности стаи. Здесь добычи больше.

С десятка мышей лежит на полу. Чтобы вместить в сумку содержимое пришлось утрамбовать. Согнулся. Прошел вперед, в надежде, что пещера не закончится и выведет за пределы ловушки, но через метров девять взгляд уперся в красный с белым зерном гранит. На камне бликует огонь факела. Тысячи светящихся кристаллов невероятной красоты. Толщина стены такая же невероятная. Человек с тлеющим факелом отправился в обратный путь.

Какое – то время в темноте светилась бордово-красная головешка, чадающая едким дымком. Вскоре она затерялась среди колонн.

Мясо жесткое и непонятное на вкус. Его мало. Павел сидит у костра. Обдирает тушки и кидает лоскуты кожи с жестким ворсом волос и крыльями в костер. В огне останки пузырятся, вскипают кровью, съеживаются до очень маленьких размеров и превращаются в уголек. А он рассыпается в прах.

Эстетика приема пищи куда – то подевалась. Освеживал очередную партию «птичек». Не разбирая, проткнул железным прутом, что нашел в окрестностях. Поместил самодельный шампур над огнем. Скоро мясо зашипело. Аромат жаренного пробудил аппетит и заставил сглотнуть слюну. Проглотил первую порцию, но не наелся. И ждал продолжения банкета так же сильно, как первый шампур.

В уцелевших окнах поездов горит такой же, как у него костер. Окна живые. Светятся домашним, хоть и временным теплом. Кажется, что у поездов стоянка по расписанию. А там, в купе или плацкарте едут пассажиры. Они поглощают курей, пьют воду и алкоголь.

Зрелище, естественно не вызовет никакого интереса и обезличенное лицо вновь скроется в уюте вагона. Лицо продолжит нарочито вежливый разговор с некрасивой соседкой в годах.

Нос вдохнул запах подгоревшего мяса. Человек очнулся. Несколько раз открыл и закрыл глаза и стащил прут с костра. Ничего, никуда не ехало. И из окон вагонов уж тем более никто не выглядывал. Поужинал. Свалился спать. Долгий путь и акробатические упражнения не прошли даром.

11

Легкое пробуждение. Давно не ощущал такого. Впервые за долгое время Павел нащупал в жилах мышц силу и упругость.

Так отчетливо, что захотелось вытянуться как сильно натянутая струна, что незамедлительно и сделал. Откинул руки далеко за голову, выгнул грудь колесом, при этом ноги самопроизвольно напряглись, вытянулись в единую линию. Где-то хрустнул сустав. Взгляд уперся в промасленные железные ребра вагона. А он глубоко, до самых окраин легких вдохнул настоящий на машинном масле, родной запах метродепо. Здесь специфический аромат менее резок, но очень похож.

Это помогло расслабиться. Успокоиться. Отвлечься от гадких мыслей. Среди, них как-то проскользнуло неизвестно, кем подкинутое предложение покончить жизнь самоубийством.

Думы, подобные этим – Павел гнал прочь. А мозг с дьявольски искушенно находил новые лазейки и предоставлял хозяину новые варианты, как можно себя погубить. Способов – масса. Поджечь хлам. Пожар бы получился отменный. Его бы точно заметили.

Основательно вдохнул, и очередной прилив спокойствия окутал все клеточки тела. Запах машинного масла на миг помог почувствовать себя если не дома, то хотя бы на работе. Ее он любил. Возможно. Дремота спала. Приподнялся.

– Надо доесть добычу, – здраво выдал мозг. Постоянное тепло портило неосвежованные тушки. Температура по наблюдениям держится на одном и том же уровне. Все время. Без колебаний. Так словно ее кто-то искусно поддерживает.

Для хранилища мусора, где кругом камень да железо – это странно. Впрочем, времени не хватает, чтобы долго размышлять об этом.

С температурой везет. Павел чувствует себя комфортно. В остальном предстоит разобраться, когда придет время. Пока же жизненноважно – исследовать местность. Пара выходов, что он совершил на значительное расстояние от стоянки, ничего не прояснили. Непонятное место оставалась тайной, даже не за семью, а за гораздо большим числом печатей, что предстояло разгадать.

Попытался набросать план. По нему будет действовать. Но объем информации так велик, что вскоре взял уголек. Выбрал, относительно ровный бок вагона. Нацарапал что – то похожее на карту. Топографы, конечно бы – рассмеялись. Рисовать по памяти получалось плохо, но он все же изобразил тот небольшой, подконтрольный ему участок. Теперь его можно представить наглядно. Участок изучен. Безопасный.

Отметил место падения. Потом первый переход до свалки. Точки так и подписывал – «катастрофа», «путь №1», «стойбище». На стоянке задержал руку. Сильно надавил. Поставил большую жирную точку, как у столиц государств, как их выделяли на политических картах мира в масштабе один к двухсотдвадцати тысячам. От стоянки проложил пунктир до охотничьих угодий. – Туда, кстати, стоит наведаться еще раз. Стая вернется на обжитое место.

– Остальное пространство, – Павел испуганно оглянулся. – Отныне, расслабляться запрещено. Фауна – крысы и их летучие собратья, как выяснилось, здесь присутствует, и в не малом количестве.

– Что ты еще прячешь молчаливое подземелье? Выяснится. Только опытным путем. Много ходить, наблюдать и запоминать. Все это впереди. Серия вылазок, а может и один большой многочасовой, а может быть и многодневный поход. – Что же это будет? – Павел размышлял, как лучше поступить.

В горле пересохло. Сухо кашлянул. Ободрал горло. О себе напомнила жажда. Не в первый раз, но с большей силой. В мышах, что обглодал до белых игрушечных, пустотелых костей жидкости капли. Нужно больше.

Найти источник воды. Конечная или промежуточная цель – определена. Пить! Любой источник. Желательно, с пригодной для питья водой. Без кипячения. Пить! Павел шел, когда решил, как следует поступить. Искать низину. Вода там. И идти под уклон. – Да, это невозможно! Все ровно, сплошь забито отходами. На этой мысли обогнул поезд, он последний и вышел за пределы «кладбища». Взгляд направо. Налево. Барханы мусора. Отметил – чем они дальше, тем меньше и не так круты. Возможно, ошибка. – Истинные размеры куч скрадывает расстояние?

Двинулся туда. Приходится много петлять. Раздалось поучительное, – Умный в гору не пойдет – умный гору обойдет. – Сказал или подумал? Народная мудрость приободрила. Запомнил направление, откуда пришел. Зашагал дальше.

В последние дни очень тяжело. Способы пробудить боевой дух и поднять настроение приходилось искать везде. Павел глянул под ноги. В любых мелочах. Поговорка, как приласкала. Согрела душу. Чутье и расчет не подвели. С каждой сотней метров кучи пресного мусора, он высох до состояния трухи, становились меньше. Увидел следы грубых протекторов между холмами. – Показалось! Действительно ли это отпечатки тракторов или мощных машин? Никак определить. Рваные отрезки не хотят складываться в прямую линию колеи.

Остановился. Озадаченный. Холм очень правильной формы. Подошел ближе. Практически правильная пирамида с относительно ровными краями, состоит из сотен или даже тысяч красно-бело-синих треугольников. Взял треугольник. Близко поднес к глазам. На боку очень легкой, но собранной из толстой бумаги геометрической фигуры – синими буквами незамысловатого шрифта конвейер вдавил – «Мо-ло-ко», – прочитал по слогам.

Лет двадцать пять назад, а может и больше, он слышал, что молоко в гастрономах продавалось в такой треугольной упаковке. На боку указана цена: 12 копеек. Пнул кучу. Пакеты разлетелись. Вся тара абсолютно пуста. Ни капельки. Из груды торчит конец бумажной, похожей на туалетную, но плотнее – ленты. Выглядывает на уровне груди. Выдернул. Потрепал в руках. По всей длине надпись, – «Брак». Похоже, мастер зазевался или оборудование дало сбой, и огромная партия упаковки отправилась на свалку. Ошибку Госплан списал за счет госсредств.

Сильно сжал пакет рукой. Тот посопротивлялся секунду и сложился в кусок плотной бумаги. Комок отбросил в сторону.

Следует идти дальше. Миновал несколько завалов и чистое, удержался, чтобы не сказать, – Чистое поле. Поля нет. Есть сумерки и пустое пространство. Перепад высот не замечен, но почему – то сектор не захламлен. Еще один марш-бросок и ноги почувствовали знакомую твердь ровного, местами он поблескивает, бетонного пола.

Недалеко в основание наполовину вмонтированы железные трубы. Диаметр разный. Все в отличном состоянии. Переплетаются. Разбегаются в разные стороны. Пучок труб прячется мусором. Несколько ниток упираются в стену. Аккуратно загибаются, идут вдоль блоков и неожиданно уходят в гранит.

Если на все это посмотреть с высоты, то это точно похоже на плату электронного устройства. – Цвет зеленый, – мозг покрасил воображаемую картину.

Кристалльная тишина. Но даже в ней ухо едва различило – тонкий шум. Источник не определить. – Распутать клубок. Пока есть силы, – мозг посылает сигналы. Определил на глаз площадь. Начал осмотр. Пошел от стены. Прошел вдоль трубы, пока она видна, в надежде найти кран или механизм для спуска воздуха. – Его можно отбить. Но все тщетно. Монолит!

Постучал по трубе. Она глухо ответила металлическим звуком пустоты. Первый трубопровод, второй, третий. Приходится ползти по сотне метров, чуть ли не в обнимку рядом с каждой ниткой. Время уходит. Клубок становится меньше, а он все ближе к свалке.

Остается несколько труб. – Ощупать, чтобы покончить с осмотром. Вполне отчетливо, на один миг услышал журчание воды. Слабое. Будто жидкость переливали из стакана в стакан.

– Шум действительно, есть. Но что толку? – думал Павел, ощупывал трубы, – Трубы. Все абсолютно целые.

Приложил ухо к холодному металлу. Оно быстро заоченело. Но услышал те, сладкие звуки. Теперь он точно знает, где течет вода или что – то другое. Жалко средств добраться до нее – нет. Над трубой начинался нарост спрессованного, как питательный силос в единую массу – мусора. Не заметил, как добрался сюда.

Здесь шум сильнее и сомнений, что это водопровод не осталось. Павел уже ни на что не надеется! Схватил сдавленный кусок хлама. Сила давления такова, что мусор сплавился. С треском, раздираемой плотной ткани, вроде брезентухи – вывернул шмат из пласта. Перевернул следующий кусок и еще один. Под ним виден приличный отрезок магистрали. Плиты становятся увесистее и тяжелее. Шум воды то пропадает, то снова появляется. А временами, чудится – нарастает.

Павел думает, – Скоро дойду до того куска. Огромного, что не в силах буду поднять. И тогда все!

Сдвинул в сторону еще один кусок. В пещере раздался громкий гортанный возглас. Забился истерически высокий смех. Смех перешел в шмыганье. Так шмыгает человек, готовый вот – вот расплакаться от нахлынувших чувств.

Павел убедился, – Тяжелая техника здесь работала, точно. У ног в трубе чернеет пробоина. Рядом блестят царапины от ширококораставленных зубьев гусениц трактора. – Поэтому в этом углу и нет хлама.

На участке, где раскинулась сеть коммунальной инфраструктуры подземелья, работы не велись или шли менее активно. А возможно были под запретом. Сюда без надобности не совались. Но кто-то все же умудрился въехать на запретный участок. Продавить трубу.

Выдернул из разлома мусорную пробку. Повяло сыростью. Поднял три крупных с острыми краями кусков раскрошившегося чугуна. Ладонью достал до воды. По дну еле – еле живой струился тонкий ручеек. Глубина – ноготь мизинца.

Сунул палец в рот. Жидкость! Простая водопроводная вода. Достал пластмассовый бутыль, что нашел по пути сюда. Просунул в отверстие. Положил набок. Наполнил водой. На половину. Только потом, не веря всему происходящему, осторожно напился. Вдоволь. Так, что от холода заломило зубы, а десны онемели. Вода! Кажется, ощутил вкус. Неимоверно холодная. Как родниковая. Наполнить емкость полностью не получилось. Выход нашелся.

Взял колпачок. По капле заполнил тару. Еще раз напился, и широко расставляя ноги, уверенно двинулся в сторону стоянки. По дороге бодрился, – Определенно везет. Теперь у него появился свой колодец. Источник дает столько же воды, сколько родник в пустыне. Но и этого в его ситуации предостаточно.

На поиски воды потратил день. Павел не мог сказать, что за день. Это среда? Или уже воскресенье? Ориентировался на организм. Если хотелось спать, значит, на Земле пришла ночь. Проснулся. Значит утро. Наверняка его режим давно вывалился за рамки общепринятого с восьми до пяти. Началась другая, отдельная жизнь.

Вернулся в лагерь. По-звериному догрыз последний подгоревший кусок мяса. Завалялся на боковую. Несмотря на довольно не привычные для изнеженного горожанина, а местами суровые условия места, где приходится обитать – спал Павел крепко. Как и все

ночи, что провел здесь. Серьезные мысли о жизни и смерти больше не одолевали измученный мозг. Они сдались. Отошли на второй план. Беспокоят насущные вопросы. Обустройство быта, еда, питье.

Заботы с новой силой гонят прочь от лагеря. Искать более подходящее место для невольного заточения. Искать то, что поможет выжить. Выбраться отсюда.

12

Проснулся. Дорисовал на карте участок подземелья, что разведал накануне. Обозначил его как – «Источник». Не откладывая, выдвинулся в неизвестность.

Определенной цели не стоит. В последние дни Павел невкусно, но довольно сносно питался. – Можно позволить немного и поголодать. На завалы внимания не обращал. Интерес возникал, а он оживал только тогда, когда доходил до границы неизведанного. Граница, обычно – это очередной бесславно сгинувший во времени паровоз. Их облазил множество. В глазах рябит от однообразия, тусклого блеска на ручках и поручнях. Относительно целую в хорошей сохранности электричку отметил день или два назад. Поезд стоит практически идеально и только где – то в середине несколько вагонов выпирают стрелкой. Заметно накрываются в бок и вдавливаются в платформы грузового тягача. Тот неприкаянно стоит рядом.

Со стороны видно, как из-за угла разбитого вагона, здесь их бесчисленное количество, вынырнула фигурка. Силуэт быстро движется. Юркий человечек. Порой он останавливался. Что-то обдумывал. Ловко уворачивался от нависающих над ним конструкций, самых невероятных форм – и просачивался вперед. Человечек скрылся за буераками металлолома. Вот появился вновь и, петляя между остовами железнодорожных монстров, подошел к бледно – синему метровагону. С него начинается стандартный – в восемь вагонов – состав метропоезда. Постоял, поднырнул под вагон и пропал из зоны видимости. Створки механических дверей – плотно закрыты. – Заклинило! – Павел не пытался их раздвинуть.

– Проверено! Бесполезная трата сил. Проверено не один раз. На других поездах, – Павел посмотрел по сторонам. Все, что подлежит обыску-осмотру, заржавело или заклинило.

– Хм. Опасливо озираться уже привычка. Под ногами там же, где и стоял, нащупал увесистый кусок железа. С размаху всадил в грязноватое окно, что находилось на уровне плеч. Отпрянул. Брызнули осколки, с остатками белых букв. Они оповещали пассажиров, для кого предназначены посадочные места. Часть мелко потрескавшегося стекла осталась в раме. Поддел резиновую окантовку. Круто вывернул шею. Отвернулся. Выдернул шнур из гнезда.

Провернул операцию. На правой руке обнаружил мелкие порезы. Впервые с той минуты, как он оказался здесь, поднес руки близко к лицу. Внимательно осмотрел ладони. Тыльную часть рук. Немытые тысячу лет, с вздувшимися венами, с длинными, местами отломившимися ногтями – они огрубели. Кожа на подушечках пальцев – стерлась. Ладони покрылись многослойными мозолями, наросты утолщались и грозили со временем треснуть. Обнажить плоть нежно-розового цвета. – Хм. Конечности жалко, – Павел схмурил лицо. Однако, хороших кожаных или даже простых тканевых перчаток для огородных работ вокруг в избытке не валялось. – Или он рассеян, во время прогулок, – Павел засомневался. – В другое время стоит смотреть под ноги внимательнее. Зацепился за край окна. Немного подтянулся и ввалился в вагон. Оказался на мягком сиденье. Кинул взгляд вперед – пустая площадка последнего вагона. Дверь в кабину. Оглянулся. Оцепенел. Через два пролета на диване сгорбившись, сидел – человек. Сильно склонив голову, подбородок незнакомца практически упирается в грудь, неизвестный уставился в одну точку. Что – то рассматривает на полу.

Никакой реакции на его вторжение в электричку – не последовало. – Мертвец? – Павел осторожно, боком, выставил вперед правую руку, словно защищаясь от чего – то невидимого мелкими шагами, не отрывая ног от пола, приблизился к труп. Осмотрел его.

Постоянное тепло мумифицировало тело и так стянуло остатки плоти, что зубы во рту стали в два раза длиннее. Скелет скалится. Десны отсутствуют, а губы превратились в две тонкие затвердевшие полоски вяленого мяса. Скелет, обтянутый кожей и в одежде. Брюки,

добротные туфли на толстой протекторной подошве, теплая демисезонная куртка. Поезд оказался здесь осенью неизвестно какого года.

– Бедолага. Настрадался перед смертью, – Павел внимательно смотрит на труп. Из порванной брючины на левой ноге сахарно – белым острием сверкает сломанная кость. Левая рука неестественно, неправильно вывернута. Пассажира хорошо пошвыряло по вагону. Поломало, как куклу. Оказавшись в колодце, у него хватило сил только на то, чтобы подняться, сесть и, убаюкивая поврежденную ногу умереть от адской боли.

Обыскал останки. Проездной, крошечная сумма денег. Связка ключей. Всмотрелся в билет. – Хорошо бы найти там дату. Определить время, – но такой информации на проездном не печатают. Кроме этого ничего. Никаких документов. Все найденное, единственный живой в царстве мертвых рассовал по карманам. Выбрался из вагона, чтобы тем же проверенным способом забраться в следующий. – Возможно – это тоже чей-то склеп, – мысли Павла безрадостны. За стеной раздался глухой звук разбитого стекла. – Конечно, можно продвигаться, не покидая поезд, – рассуждает Павел. Но тогда придется разбивать по два стекла. Выбираться из одного вагона, – закусил губу. – И забираться в следующий.

Потребуется то чего – нет. Еще больше сил. Еще больше ловкости. Надо безопасно миновать пространство между вагонами. Дело трудное, а затея неудачная, – Павел говорит сам с собой.

– Это один из тех редких поездов, что едут поздно ночью с большими интервалами и везут по два – три одиноких пассажира в вагоне, – понимал Павел.

Следующий вагон. – Пуст, – короткое слово отдается коротким эхом.

Зато в третьем наткнулся сразу на несколько трупов. Изломанные тела разбросаны по вагону так, что без долгих размышлений понятно. – После падения никто не выжил и все остались там, где упали.

Ближе всех к нему лежит высохший старик. Высохший от старости, а после пребывания здесь, съезжившийся в несколько раз он размерами похож на мумию подростка. На возраст указывают только одежда и белая редкая борода, которая неизвестно на чем, но держится на лице покойника. Головного убора на трупе нет, и Павел видит в черепе трещину. Черная и кривая, как молния она пересекает череп полностью. Хотя дед, скорее всего, скончался еще в полете от сердечного приступа или от другой болячки, что берутся неизвестно откуда и одолевают людей с возрастом.

Рядом с мумифицированным скелетом валяется набитая холщевая сумка. Вцепился в нее. – Вот он! Подарок судьбы! – Павел еще раз поверил в удачу. Похоже, что старик ехал из магазина, где оставил полпенсии. Твердый, как кирпич ржаной хлеб, пять-семь консервных банок с рыбой и еще чем-то, подсолнечное масло, плотно закупоренное. Оно отлично сохранилось. Еще несколько пакетов с крупой и макаронами в хрупком полиэтилене. На промасленном дне лежит размазанный, разложившийся брикет неприятно пахнущего сливочного масла.

Аккуратно, как сапер, что колдует над бомбой, Павел перебрал покупки. Выкинул окончательно испортившиеся продукты, а все остальное забрал с собой. С этим можно жить.

Прежде чем заняться остальными членами мертвой компании сказал, пенсионеру, – Спасибо! Основательно сел рядом с ним. Поерзал. Ударом пятки раздавил консервную банку и в два – три глотка проглотил содержимое. Неимоверно вкусная морская рыба таяла во рту, а густое масло показалось вкуснейшим из тех, что он когда – нибудь пробовал.

– С незапланированным обедом покончено, – с ленцой переместился к следующему покойнику.

Молодой человек понимал в моде. Или ему так казалось. Судя по гардеробу, при жизни пролистывал страницы глянцевого журнала. Их обложками пестрели ларьки с прессой. И старался быть похожим на тех кукол, одетых пионерами моды, так как им казалось должны

одеваться люди. Ничего поражающего воображение теперь очень практичного Павла. Качественная одежда. Про такую говорят, – Брендовая. Толстая кожаная куртка, коричневого цвета, плотные джинсы и кроссовки, похожие на туфли.

– В такой обуви хоть на прием в Букингемский дворец, хоть на теннисный корт, – Павел развязал шнурки, отодрал липучки, легко стянул обувь. Обыскал тело. В нагрудном кармане звякнула мелочь. Ее прикрывал студенческий билет на имя Антонова Геннадия, студента III курса ВУЗа, чье наименование звучало, но ничего не говорило. Частные институты, академии и университеты просто соревновались в названиях и мерялись аббревиатурами. Площадка, где нет сидений. В углу упершись спиной в стену, полулежит – полусидит женщина в черном платке и куртке ниже пояса.

Ноги и костлявые руки раскинуты в стороны. В ее одеянии Павел сразу уловил национальный колорит. Подошел поближе и заглянул в лицо. Утвердился в догадках. Жительница южных регионов страны сидит в хиджабе. Платок сбился и над черепом висит клочок черных с проседью волос, которые иноверка так тщательно прятала. С собой ничего. Без какой либо боязни сунул руку в карман куртки и резко, как ужаленный выдернул сжатую ладонь обратно. На ладони и пальцах закровоточили ранки.

Поддел карман снаружи. Приподнял его, вывернул наизнанку и вывалил содержимое. Посыпались мелкие гвозди, обрезки крупных кусков прута, ядра подшипников разного калибра. В недоумении взялся за второй карман. Тот так же под завязку забит металлическим хламом. Пригляделся к талии покойной и потихоньку смутно наткнулся на ответ. Теплое, плотное пальто в этом месте сложилось в складки, но даже для скопления складок оно слишком сильно выпирает на поясе. Взялся за большие костяные пуговицы, которые женщина или тот, кто ее снаряжал, впихнул в маленькие прорези. С болью в пальцах вывернул их из гнезд.

Одна пуговица отлетела. Павел разозлился и с силой дернул за отворот пальто. На пол полетели остальные. Подскочили и, подпрыгивая, со стуком разъехались в разные стороны. – Новые звуки, – Павел окаменел от ужаса.

Повыше талии живот женщины пересекает пояс, с укрепленными на нем брусками взрывчатого вещества, обмотанного коричневым скотчем. – Пояс шахиды, – Павел сглотнул страх. Между блоками мелькают белые провода, светят боками тусклоблестящие гильзы. На боку виден железный карабин альпиниста. Крюк намертво скрепляет пояс. Плитки взрывчатки меньшего размера, как рыцарские доспехи закрывают грудь.

Распахнул пальто полностью. – Да это не пояс, а целый жилет, повернутой на религии смертницы, – Павел аккуратно выдохнул сквозь щелочку губ. Трогать жилет сразу не стал. Прошелся по внутренним карманам. Там билет на одну поездку, потрепанная миниатюрная книжца: молитвослов, заполненный мелкой нитью арабских букв.

Чтобы устройство сработало необходимо сделать, что – то еще. – Ага, – в пояском кармане лежит переключатель. – Один клик и, – Павел побоялся об этом думать. Взял детонатор и надавил на круглую кнопку. Поднял руки, ладони расправились, пальцы растопырились и изобразили взрыв.

В углу тихо прозвучало, – Пуууууух.

Смертница только приехала в столицу и добиралась до ночлега, чтобы утром прочитать молитву, спуститься в метро и осуществить самоподрыв. – Не вышло! – Павел по-настоящему обрадовался и на мгновение пропал тот внутренний укор, что подъедал ежедневно душу. Успокоился, извлек маленькие куски взрывчатки. Разомкнул карабин. Вытянул нижний пояс.

Вместе с ним по полу поползла нижняя часть скелета. У несостоявшейся шахидки сломан позвоночник, и он одним движением отделил ноги и таз. Не наклоняясь, отпихнул скелет. Тот дробно застучал, развалился на кости. Закинул звенья взрывчатки на плечо, взял

сумку и навьюченный, но удовлетворенный отправился домой. Впечатлений достаточно. Осматривать этот поезд ему больше не хотелось.

13

Взял тайм-аут. Время безделья обозначал спортивным термином по давней привычке. Хотя футбол или любой другой командный спорт не понимал. А потому и недолго любил.

– Хотелось бы сказать, что дни шли за дня, но как отграничить один день от другого он не знал, – Павел ухмыльнулся размышлениям. Дни слились в одно общее время, и оно шло.

Как-то вспомнил о часах, что снял с мертвого приятеля. Заново выставил обе стрелки на XII часов дня, и, как и положено прокрутил заводную коронку энное количество раз. До щелчка.

– Теперь у меня свое, местное время, – приложил хронометр к уху. Тот ответил тика-нем. Определить день или ночь часы не помогут, но время в пути, время между завтраком, обедом и ужином, вполне.

Далеко от стоянки не отходил. Вволю спал. Питался по расписанию. При этом, конечно же, продукты приходилось экономить. Но безвкусная, несоленая каша с тушенкой и кусками рыбы в масле, Павел их чередовал, насыщали или давали ощущение сытости. Часы от одного приема пищи до другого переносил легко. На карту нанесено все. Вплоть до мельчайших деталей и теперь она занимает полстены вагона.

В ровном климате и при отсутствии влажности рисунок черного цвета прекрасно сохранялся и отчетливо виден в свете костра. Отведав липкой массы, Павел еще и еще раз вглядывался в изображение, ощупывал взглядом пустоты. Они окружали отмеченные места и уходили к краям импровизированной доски для рисования. Не раз спрашивал себя, а что если со временем линии и точки заполнят весь свободный участок и ему придется наносить, обнаруженные объекты дальше. На все стороны. Крышу вагона. Карта закольцуется. Получится глобус.

Истинные размеры пещеры еще неизвестны и то, что в поисках неизвестно чего могут пройти месяцы, а то и годы пугало Павла. – Вот так? На подножном корму? Нет!

Но сытость скрадывала тревожные мысли. Неприятный момент вновь отодвигался. Прошло больше недели. Однажды утром Павел посмотрел на карту. От ее центра далеко в бок уходил только маршрут к пещере летучих мышей. Все остальные вылазки – либо внутри свалки, исследовал окрестности, либо между свалкой поездов и его электричкой. Вон там нашел воду.

На другой стороне кладбища, оно обозначено как пучок из множества полос – поезда перечеркивали друг друга, начинается пустошь. – Надо идти через весь полигон, – этого Павел еще не делал, и двигаться дальше. Залез на крышу. Поднялся на цыпочки. Увидел, как на сотни метров вперед тянутся металлические навалы, а за ними с правой стороны вверх уходил, едва различимый в полумраке хребет мусорной горы.

С обеих сторон мелькают окна, двери, колеса, трубы, вырванные двигатели, куски разнородного металла. По ним уже не определить, что это было раньше.

Споро миновал, ранее исследованный участок. Вступил на ту часть кладбища, где еще не ходил. Тут ход замедлил, но не сильно. Довольно опытный в преодолении искусственных барьеров ловкий, как обезьяна Павел перелез, подлазил, петлял и обходил. При этом старался не терять невидимую нить пути. – По расчетам должен выйти к подножию хребта и там прочесать местность, – мельком накидал план. Вот и последняя нитка из металлических коробов. Старый локомотив с красными обтекаемыми вагонами и выпуклыми, размером с человеческую голову фарами. Венчал кабину огромный зеркальный прожектор. Прошел вдоль металлического брюха машины. Над головой нависли колеса.

Дотронулся до гигантских блинов. Крутануть с силой, как в озорном детстве колесо велосипеда. Но железо намертво застыло в вечности.

За тягачом пустота. Она простирается и заканчивается покатым боком хребта. Как ни старался он все же сбился с пути и вышел к его середине. – Подойти? Решил, что не стоит. Сразу по диагонали рванул к тому месту, где отрог заканчивается. Упирается в пол и скрывает огромную часть подземелья. – Что там за поворотом? – Павел задался вопросом, что не раз задавали герои приключенческих романов.

Бросок до основания рукава горы. – Полчаса, – Павел смотрит на циферблат. Немного больше чем он ожидал. Колоссальность места поражает. Он находился здесь не первый день, но не привык к пустоте. Размышлял, – Такие расстояния. Здесь. Под землей? Даже если подземный каменный пузырь и имеет границы, тут можно с легкостью передвигаться на машине, а чтобы покрывать такие расстояния, передвигаться на приличной скорости.

Отрог мусорной горы обходил – медленно. Инстинктивно пригнулся. Поглядывал из подлобья. По левую руку вдаль уходил лес знакомых толстенных столбов. По правую руку гора. Сделал полукруг. Ожидания увидеть что-то путь и неожиданное, но обнадеживающее – не оправдались. Насыпь из всякой дряни очень сильно выдавалась из горы и, когда он ее обошел, оказался у края огромной впадины. Как залив она вдавалась в отвесные скалы. Уходила в темноту. Там, где должно находиться дно впадины так сумеречно, что невозможно разглядеть, – Что там? Сколько не вглядывайся. На часах бегут тонкая и толстая стрелки. Тонкие. Они покрыты фосфором. Времени с запасом. Павел шагнул дальше. Вдоль границы. Там, где хлам соприкасается с полом и, можно идти по относительно ровной поверхности.

Не торопился. Шел, от скуки разглядывал хлам. Иногда что – то поднимал, но повертев пару секунд в руках, выбрасывал.

Мусор однороден, – отметил Павел. Это ставит в тупик. Практически весь упакован в одинаковые толстые пластиковые пакеты с пластмассовыми молниями. Вместимостью литров по десять.

Вскрыл пакет. Другой. Ногой разворошил содержимое. И там и там. Пустые упаковки от продуктов. Консервные банки, контейнеры, и даже тюбики с надписями «Суп», «Каша».

Где – то рядом харчуются большой отряд космонавтов? – Павел пиннул банку. – В условиях приближенных к условиям пребывания на станции «Мир»? Где можно подойти к иллюминатору из кварцевого стекла толщиной в десять сантиметров, выдавить в рот густого борща и сделать снимки голубой планеты, – Павел думал и шел дальше.

Пища в емкостях была. Крышки жестяных банок разорваны специальным ножом. Но вся одноразовая посуда стерильна и суха. Ни капли, ни крошки. Никаких остатков.

Мусорные пакеты. Другой бытовой хлам. Вот черно-белые телевизоры «Березка». Ящики аккуратно поставлены в ряд. Старые холодильники. Осторожно открыл несколько дверей. Пусто. Удивился. Здесь. На помойке, вещи, что сменили, возможно, двух – трех хозяев выглядели добротно. По-новому. – Опять делать крюк, – мысленно возмутился. Холодильники стоят мертвыми правильными белыми рядами. По сотне штук, а может быть и больше. Стоят дверца к дверце. Просочиться между ними не возможно. Павел сильно углубился в «мусорный залив», а он все не заканчивался. Из груды торчит округлая палка. – Черенок? Хотел пройти мимо, но рука, потянувшись к ней. Выдернул из завала.

Раздался громкий шорох. Испугался. Перешел с шага на бег. Пробежал метров тридцать. Остановился. Оглянулся. – Вот, что значит потерять опору. Заскользил пакет. За ним другой и еще что-то. От горы отделился огромный пласт и с шорохом съехал вниз. Край мусорной волны зацепил холодильники. Сметенные, они, рухнули на пол и со скрежетом, как белоснежная пена морской ударились о берег. В данном случае о бетонный пол. В ушах еще долго эхом гулял противный скрежет.

В стене мусора виднеется выемка. К его ногам подкатились пакеты. Они перекатывались, подпрыгивали и замерли. Уже через секунду вокруг вновь воцарилась тишина. Шум никого не привлек, не разбудил. Снова никакой, абсолютно никакой реакции не последовало.

С минуту постоял. Проанализировал и уже осторожно на некоем отдалении от границы. Там, где стена накатывается в основание, двинулся дальше. В планах немного. Обойти впадину по краю. Дойти до второго мыса, чьи очертания едва выделяются вдалеке. – И вернуться обратно, – подытожил Павел.

Стена не кончается. Интерес к ней утрачен. Шаги становятся все меньше. Павел мелко семенил, как снова крепко задумался. Утратил контроль над тем, что происходит вокруг. – Да и что там может произойти? Последние дни, недели, а может уже, и месяцы показали, – Ничего сверхъестественного ожидать тут не стоит, – грусть охватила Павла. Найти мертвеца дело привычное.

Крошечная на фоне горного массива фигура передвигается у ее подножия. Резкая боль пронзила левую ступню. Задумчивость обернулась сильным ударом ноги о деревянный настил. Тот взялся неизвестно откуда. Пересекал наискосок маршрут Павла, уходил в сторону и исчезал. Удар так силен, что пару минут он прыгал стоя на одной ноге. Присел на край помоста. Дождался, пока боль уснет окончательно.

Деревянный тротуар уходит к свалке. – Это с одной стороны, а с другой в неизвестность. Туда, где ничего нет.

– Куда следовать дальше? Очевидно куда, – подумал Павел. И двинулся прочь от ранее выбранного пути. Иногда настил изгибается, но основная часть полотна проложена по идеальной прямой. Так идти намного легче. Приноровился. Через какое-то время настил стал издавать ритмичную дробь. Временами Павел оглядывался. Гора уменьшается в размерах. Тропинка не заканчивается. Это пугает. Рождает сомнения. Павел преодолевает страх. Понимает, что зашел слишком далеко и, тем не менее, упорно продолжает двигаться вперед. – В конце – концов, должен же быть у этой дороги конец, – харкнул в сторону и ускорился.

В стороне на фоне ровного полигона зачернело пятно. Сошел с тропы. Пошел прямо на него. Зрение не обмануло. Чем ближе подходил к нему, тем четче вырисовывалась скала не правильной формы. Еще чуть-чуть. Считанные шаги. Павел подошел к огромному трактору с широченными, больше метра гусеницами. Такие машины ездят по топкой, болотистой местности. Подминают ковшом молодые побеги ивняка, камыш. Или вот здесь.

Исполин стоит, немного накренившись вперед, в сторону большого, тяжелого, изогнутого кверху ковша. Скребок под тяжестью собственного веса вдавился в мусор. Обошел трактор и по тракам, как по ступенькам забрался на гусеницы шириной с тротуар. Капот приоткрыт. Сунулся – пусто.

Кто – то заботливо и аккуратно извлек двигатель и забрал с собой. Невольно постучал по корпусу. Тот зазвучал, как пустое, новое, блестящее корыто из нержавеющей стали. Нажал на ручку двери. Запор легко поддался. В кабине рычаги с черными набалдашниками и выбитыми на них белыми угловатыми рисунками-схемами. Потертое сидение и панель с круглыми примитивными грубыми датчиками. Больше ничего.

Ступил на что – то мягкое. – Промасленное тряпье! Сел на кресло. – Мягкое. Положил руки на рычаги и дернул на себя. С металлическим щелчком одна рукоять поддалась и если бы трактор не изувечили, что –нибудь бы, да зарокотало.

Зачем здесь трактор понятно. – А вот где двигатель? Нет, – Павел сидел в задумчивости. Еще одна загадка непонятного места. Обдумал. Но версий так и не возникло. Оглянулся. За спиной, через стекло бак для топлива. Прикреплен за кабиной. Открытие подогрело интерес. Выбрался наружу и уже через секунду открутил металлическую крышку двухсотлитровой канистры. – Увесистая! Из под нее вырвался и сладко ударил в нос запах машинного масла. Тут тоже чувствовалась заботливая рука неизвестного. Вся солярка или выработана либо сцежена. – До последней вязкой капли, – насыщенный аромат нефтехимии одурманил мозг.

Кто – то аккуратно, поэтапно выполнил задание. Сделал так, что мощная темно-зеленого цвета машина больше никогда не смогла передвигаться. В тоже время технику всегда, если будет необходимость можно вернуть к жизни. Находка породила еще больше вопросов.

– Кому? Зачем все это надо? – спросил Павел у пустоты.

Соскочил с гусениц и вернулся к помосту. Решил во, чтобы то ни стало докопаться до истины. – Просто нужно дойти до конца, на этой мысли полегчало. Именно этот момент. Этот трактор, как он вспоминал потом, принес твердое понимание, – Живых людей он здесь не встретит. Никогда!

Павел ничего уже ничего не опасался. Взлетел на тротуар и бегом, набирая скорость, побежал туда, где он начинался или оканчивался. Словно освободился от вериг, что сковывали раньше. Теперь он уверенно и жестко впечатывал ноги в помост. Звук бега, громкое, смелое дыхание свободно разнеслись вокруг.

– Ну и пусть! Все равно никто. Ничего. Не услышит, – Павел бежал. Думал обрывками фраз.

Склонил голову. Так виднее дорога. И побежал так быстро, что почувствовал сопротивление воздуха. На него можно лечь грудью. Вскинул голову и резко затормозил. Впереди появилось пятно. Намного больше первого.

Пятно изредка, хаотично поблескивало. При тщательном рассмотрении оказалось зданием. Бегун замедлился. Замер у деревянного, в три ступеньки крыльца. Тут беговая дорожка закончилась.

– Финиш! – выдохнул Павел.

14

За треугольным козырьком крыльца и по обе стороны от него виднеется полностью деревянное, собранное из щитов двухэтажное здание. Десять – двенадцать темных окон. Здание покрыто белой известью.

Краска от времени облупилась, растрескалась, задралась краями вверх, и теперь постройка больше темно-серая, чем белая. Вокруг дома белыми хлопьями, как снег лежат опавшие пласты побелки.

Фундамента у дома нет. Постройка стоит неизвестно на чем, возвышаясь над мусором. К углу приколотен уличный указатель – «Ул. *Социалистическая д. 2*», – прочитал Павел.

– Ого! Так это начало целой улицы. Вот только домов поблизости что – то не видно, – Павел оглянулся. Внутрь ведет грубая дверь, собранная из необструганных, шершавых досок. Сверху и снизу и по диагонали их скрепляют плашки. Досточки смыкаются. Образуют английскую букву «Z». Дверь закрыта. Плотно.

Во всех окнах, они целы до единого, покой. Той пугливости, что за тобой кто-то наблюдает. Ее нет. Уверенность в том, что здесь никого нет незыблемо. Она успокаивает.

Забытое богом и оставленное людьми место. – Вот, где он находится! Присел на простенькую узкую скамейку, какие плотники мастерают в два счета из больше ни на что негодного сучковатого березового горбыля и двух кряжистых пней. Их невозможно расколоть на дрова. Их не надо вкапывать в землю. Отдышался, глядя под ноги. Встал. Крупными шагами подошел к крыльцу. Одним прыжком перемахнул все ступеньки. Растопырил пальцы. Плавнов приложил ладонь к двери, и с силой толкнул от себя. Рука провалилась в пустоту. Сунулся вперед. Едва устоял на ногах. Дверь легко, бесшумно распахнулась.

Большая бытовка. Комнаты, несколько коридоров и лестница. Ведет на второй этаж. Запнулся. Переступил через широкий, с заметной впадиной, что протерли суровой обувью – деревянный порог.

Интуитивно провел рукой за дверью. Наткнулся на провод-косичку из двух жил. Такие обычно тянутся между фарфоровых вставок в деревенских, бревенчатых избах. Провисают вдоль пакли, что плотно загнана промеж стволов деревьев. Провод привел к круглому выключателю с острой кнопкой. Щелкнул раз, второй и медленно пошел дальше. На полу лежит толстый слой пыли. Ноги ступают мягко и тихо. Здесь еще темнее, а когда попадаете окно, оно выделяется серым квадратом. Кажется, что за стеклом можно что – то разобрать. Помещения. Почти все без дверей. В комнатах столы, стулья, старые огромные громоздкие сейфы с ключами в замках. Все ящики, что попадают в комнаты, пусты. Покидали здание не в спешке, а основательно. По плану. Ни листочка. Ни бумажки. Чистые незамысловатые урны для мусора. Стулья аккуратно задвинуты под столы.

Порой скрипнет половица. Заставит замереть на секунду и идти вперед. Первый этаж походил на что – то среднее между канцелярией «Рогов и копыт» Ильфа и Петрова и жилого блока. В трех или четырех комнатах стоят железные кровати, с тяжелыми от сырости и пыли полосатыми матрасами. Поверх лежат свалевшиеся плоские подушки. У каждой кровати притулилась тумбочка, с отломанной ручкой.

– Прямо как в лагере. В пионерском, – сравнил Павел.

В одной нашел зубную пасту в тубе из толстого листа алюминия. Комнат много, и чем дальше он продвигается, тем меньше времени уходит на знакомство с будущим жилищем. – Если и оставаться в этом месте, то жить здесь. Вопрос решился сразу и сам собой.

Второй этаж дома рассчитан на привилегированных жильцов. Большой кожаный диван с откидывающимися валиками по бокам. Это делает его похожим на площадь. Мягкие, обитые цветастым тряпьем стулья. – Дверь?

Пока осматривал комнаты, забыл о том, что они есть, а тут вернулся в реальность. Дверь закрыта. Толкнул рукой, плечом. Дверь не поддавалась. Всадил со всей силы ногой в то место, где находится замок. Сильный удар вывернул механизм из коробки, обитой тонкой фанерой.

Замок. Закрыт всего на один оборот. Потому так легко выскользнул из паза. Это самое большое помещение в доме. Командный центр или пульт управления. В центре комнаты стоит железный стол, скупо усеянный кнопками, датчиками и рычагами. Под руку попало переговорное устройство. По диагонали расположено несколько крошечных экранов. Рядом обычный офисный стол с раритетной печатной машинкой. Цвет черный.

Щелкнул по клавише. Тонкая металлическая тараканья лапка с буквой на конце ударила в пустоту и с цоканьем отскочила назад. Вдоль стен, не прерываясь, вплотную друг к другу, одной цепью стоят железные шкафы.

За пультом большое, в полстены окно. Изредка стекло прерывается тонкими рамками. Окно наклоняется вперед так, что можно увидеть, происходящее у внешних стен.

Подожел к окну. Заглянул в темноту. Еще раз обежал взглядом стену из ящиков и в углу, там, где почти ничего не заметно, разглядел электроцит. – Если следовать логике, и исходя из того, что было найдено раньше, соваться туда, бессмысленно. Тот, кто уходил отсюда, свел к минимуму все шансы выжить здесь, – Павел подошел к щиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.